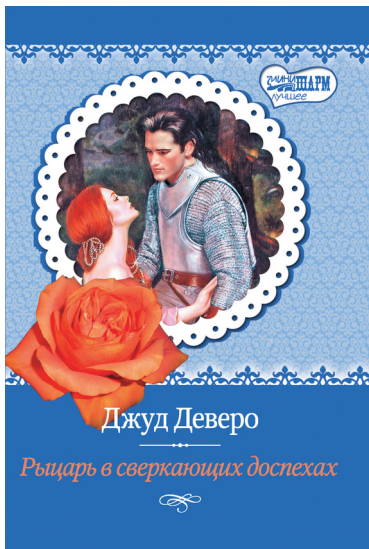

Джуд Деверо
Рыцарь в сверкающих доспехах
Серия «Монтгомери», книга 16

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17047335
Рыцарь в сверкающих доспехах: [роман] : АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-093577-2

Аннотация

Благородный джентльмен никогда не оставит в беде прекрасную женщину, глаза которой полны слез. Правда, Даглесс Монтгомери поначалу кажется сэру Николасу несколько странной. Однако это вряд ли может удержать его от намерения незамедлительно спасти и увезти красавицу с собой... Что потом? Забавные приключения, пылкие страсти и, конечно, настоящая любовь!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джуд Деверо
Рыцарь в сверкающих доспехах
Роман

Jude Deveraux

A Knight In Shining Armor

© Deveraux, Inc., 1989, 2002

© Перевод. Т. А. Перцева, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Пролог

Англия

1564 год

Николас пытался сосредоточиться на письме к матери, вероятно, самом важном документе, который он когда-либо писал. От этого письма зависело все: его честь, будущее семьи – и сама жизнь.

Но, выводя на бумаге строчку за строчкой, он неожиданно услышал женский плач. Раздраженный, Николас встал из-за грубо сколоченного столика и выглянул в крошечное, выходящее во двор окошко. По двору прохаживались четверо мужчин. И ни одной женщины. Кроме того, комната, в которой он находился, имела очень толстые стены, а тяжелая дубовая дверь была окована железом.

– Она не из этого мира, – сказал он себе и, вздрогнув, перекрестился, после чего снова сел за стол и принялся писать.

Но не успело перо коснуться бумаги, как он снова услышал плач. Поначалу тихий, он становился все громче.

Николас на секунду склонил голову набок и прислушался. Да, она всхлипывала, но не от страха и даже не из скорби. Он отчетливо чувствовал, что источник боли находился гораздо глубже.

– Нет! – воскликнул он вслух. У него не было времени стараться понять эту женщину, кем бы она ни была – человеком из плоти и крови или духом, явившимся с того света.

Он вернулся к письму, но так и не смог заняться делом: женский плач властно притягивал его. Ей необходимо что-то, только вот что?

Требуется ли ей утешение? Ободрение? Чего она хочет от него?

Николас отложил перо и устало провел рукой по глазам. Плач эхом отдавался в голове. Теперь он понял, в чем дело. Она страдает без надежды. Это страдания человека, у которого не осталось надежды.

Решив не обращать внимания ни на какие помехи, Николас оглянулся на только что начатое письмо. Он не обязан заниматься чужими бедами. Следует немедленно дописать письмо и отдать заждавшемуся гонцу, иначе надежда уйдет и из его жизни.

Он написал еще две строчки, но был вынужден остановиться. Рыдания все усиливались, пока не заполнили каждый уголок комнаты и каждый закоулок его мозга.

– Леди, – прошептал он с отчаянием, – удалитесь и дайте мне хоть немного покоя. Я бы пожертвовал жизнью, чтобы помочь вам, но не могу. Моя жизнь уже обещана.

Он в который раз поднял перо и, перед тем как начать писать, закрыл свободной рукой ухо, чтобы отсеять посторонний шум.

Но все напрасно. Он слышал каждый звук.

Николас уронил перо, которое покатилося по бумаге, разбрызгивая чернила, снова заткнул уши, на этот раз обеими руками, и зажмурился.

– Что тебе от меня надо? – вскричал он. – Я бы отдал тебе все, что имею, но у меня больше ничего нет.

Его мольбы остались без ответа. Женщина продолжала плакать, и так громко, что голова Николаса пошла кругом.

Он медленно открыл глаза, но ничего не увидел. Перед ним была непроглядная тьма, затопившая стены и дверь. Николас не видел ни стола, ни письма, жизненно для него важного.

Постепенно вдалеке появился яркий огонек, и Николас ощутил, что его неодолимо тянет к этому огоньку, словно в жизни его больше ничто не имело значения. Только неизвестно откуда взявшийся свет.

– Да, – прошептал он, прежде чем закрыть глаза и отдаться звуку рыданий незнакомки.

Медленно-медленно его тело расслабилось, и он положил голову рядом с недописанным письмом.

– Да, – снова прошептал он, окончательно сдавшись.

Глава 1

Англия

1988 год

Даглесс Монтгомери сидела на заднем сиденье взятой напрокат машины. Впереди устроились Роберт и его толстая коротышка дочь Глория. Последняя, как обычно, что-то жевала.

Даглесс передвинула стройные ножки, стараясь уместить их поудобнее: все свободное пространство занимали вещи Глории, которыми были набиты шесть кожаных чемоданов из одного багажного набора. Поскольку они не влезали в багажник маленького автомобильчика, пришлось сунуть их на заднее сиденье, вместе с Даглесс. Ступни девушки стояли на несессере с косметикой, рядом возвышался большой кофр. При каждом движении она царапала руку и бок о пряжку, ремень или ручку. Сейчас под левой коленкой ужасно чесалось, но дотянуться туда она не могла.

– Папочка, – проныла Глория с интонациями тяжело больного ребенка, – она царапает те хорошенькие чемоданы, что ты мне купил.

Даглесс сжала кулаки, закрыла глаза и сосчитала до десяти. Она. Глория никогда не называла Даглесс по имени.

Только «она».

Роберт поспешно оглянулся:

– Даглесс, не могла бы ты, пожалуйста, быть поосторожнее? Эти чемоданы довольно дороги.

– Мне это известно, – процедила Даглесс, стараясь не выказать гнева. – Просто мне некуда подвинуться. Места совсем не осталось.

Роберт громко устало вздохнул.

– Даглесс, ну почему ты вечно жалуешься? Неужели мне даже в отпуске нет покоя? Я всего лишь попросил тебя сделать усилие.

Даглесс открыла рот, чтобы ответить, но тут же сжала губы. Не стоит начинать очередной спор, причем совершенно бесполезный. Поэтому, вместо того чтобы ответить, она проглотила злость и потерла живот. Опять болит. Ей хотелось попросить Роберта остановиться и купить воды, чтобы запить транквилизатор, прописанный доктором от желудочных спазмов. Хотя вряд ли стоит доставлять Глории такое удовольствие. Как она обрадуется, узнав, что снова сумела расстроить Даглесс и вбить очередной клин между ней и Робертом!

Подняв глаза, она вдруг увидела в зеркальце над противосолнечным козырьком ехидно ухмылявшуюся Глорию. Даглесс решительно отвела глаза и попыталась сосредоточиться на красоте английских пейзажей.

За окном мелькали зеленые поля, старые каменные заборы, коровы и снова коровы, живописные домишки, великолепные особняки и... и Глория. Глория, казалось, была повсюду.

– Она еще совсем ребенок, и ее родители развелись. Вполне естественно, что она питает к тебе некоторую неприязнь, – твердил Роберт. – Но прошу тебя, вырази ей хоть какое-то участие. Когда узнаешь ее поближе, поймешь, что она, в сущности, милая, славная девочка.

Милая, ничего не скажешь!

В свои тринадцать Глория пользовалась косметикой в количествах, которые не снились двадцатилетней Даглесс, и часами торчала в ванной, малюя физиономию. Глория сидела впереди, а Даглесс ютилась сзади.

– Она всего лишь дитя, и это ее первое путешествие в Англию, – объявил Роберт, – а ты бывала тут раньше, так что почему бы не проявить хоть капельку великодушия?

То обстоятельство, что Даглесс предстояло сверяться с картой, хотя почти весь обзор заслоняла голова Глории, вряд ли считалось существенным.

Даглесс пыталась всмотреться в окружающий пейзаж. Роберт считал, что она ревнует Глорию к нему, что не желает делить его ни с кем, но если расслабится и успокоится, они превратятся в дружную счастливую компанию.

– Мы могли бы стать второй семьей для девочки, которая так много потеряла, – уверял он.

Даглесс старалась полюбить Глорию. Старалась, как могла, быть взрослой и игнорировать все ее выпадки и даже понять неприязнь Глории, но удавалось это плохо. За те полтора года, что она и Роберт прожили вместе, Даглесс сделала все возможное, чтобы обнаружить того «славного, милого» ребенка, о котором говорил Роберт. Несколько раз она брала Глорию в магазины и тратила на нее больше денег, чем могла позволить себе на маленькое жалованье учительницы начальной школы. Иногда, по субботам, Даглесс оставалась в доме, который делила с Робертом, и приглядывала за Глорией, пока Роберт посещал профессиональные сборища, обычно коктейль-пати и ужины. Когда Даглесс осмелилась упомянуть, что тоже хотела бы пойти с ним, Роберт покачал головой:

– Вам необходимо побыть вдвоем и получше узнать друг друга. И помни, детка, я иду в комплекте с Глорией. Любишь меня, люби моего ребенка.

Иногда Даглесс начинала верить, что все образуется, потому что наедине с ней Глория вела себя дружелюбно и даже сердечно. Но стоило появиться Роберту, и девчонка превращалась в вечно ноющее, лживое отродье и мгновенно карабкалась на колени к Роберту, все пять футов два дюйма и сто сорок фунтов веса, и ныла, что все это время *она* ужасно ее изводила.

Сначала Даглесс просто смеялась. Да это просто абсурд! Считать, будто она способна обидеть ребенка! Всякому понятно, что девочка просто пытается привлечь внимание отца!

Но, к полнейшему недоумению Даглесс, Роберт верил каждому слову дочери. Он не обвинял Даглесс, вовсе нет. Но вместо этого умолял ее «быть добрее к бедной девочке». Даглесс, разумеется, немедленно ошетинивалась:

– Это означает, что ты не считаешь меня доброй? И действительно воображаешь, что я способна дурно обращаться с детьми?

– Я всего лишь прошу тебя быть взрослой и набраться терпения и понимания, вот и все.

Когда Даглесс осведомилась, что он под всем этим подразумевает, Роберт воздел руки к небу и заявил, что с ней невозможно разговаривать, после чего вышел из комнаты. Даглесс пришлось принять две таблетки транквилизатора. Как всегда после ссоры, ее разрывали угрызения совести и ярость. Ученики ее обожали, а вот Глория почему-то ненавидела. Может, Даглесс действительно ревновала? Бессознательно давала девочке понять, что не желает делить Роберта с его же дочерью?

Каждый раз, думая о своей возможной ревности, она клялась сделать все, чтобы Глория ее полюбила, и дело кончалось покупкой очередного дорогого подарка. Кроме того, она снова соглашалась присмотреть за Глорией по уик-эндам, когда девочка жила у них. Зато мать Глории тем временем вела привольную жизнь.

Даглесс с горечью вздохнула.

Правда, иногда ее обурежала только ярость. Неужели Роберт не мог хотя бы раз в жизни стать на ее сторону?! Неужели не мог сказать Глории, что удобство Даглесс важнее чертовых чемоданов? Напомнить, что у Даглесс есть имя и говорить о человеке «она» в его присутствии просто невежливо? Даглесс не однажды говорила это Роберту, но каждый раз дело кончалось ее же извинениями.

– Боже мой, Даглесс, ты же взрослая умная женщина! Девочка приезжает к нам только в первый и третий уик-энды месяца. Конечно, я буду уделять ей больше внимания, чем тебе! Мы с тобой все время вместе, так почему тебе хоть иногда не сыграть вторую скрипку?!

Его речи звучали вполне логично, но в то же время Даглесс невольно мечтала о том, чтобы Роберт когда-нибудь велел дочери «быть более вежливой по отношению к женщине, которую я люблю».

Но мечты все не сбывались, поэтому Даглесс держала рот на замке и старалась наслаждаться тем временем, которое проводила вместе с Робертом, пока Глории не было поблизости. Они прекрасно ладили, и старая как мир женская интуиция подсказывала ей, что очень скоро она услышит от Роберта предложение стать его женой.

Честно говоря, этого она хотела больше всего в жизни. В отличие от старших сестер ее не одолевали амбиции и честолюбие. Даглесс всего лишь хотела иметь уютный дом, мужа и детишек. Может, когда-нибудь, когда дети будут в школе, она начнет писать сказки. Истории о говорящих животных или о чем-то в этом роде. Но у нее не было желания пробиваться наверх по корпоративной лестнице.

Она уже вложила восемнадцать месяцев своей жизни в Роберта и считала его идеально подходящим на роль мужа: высокий, красивый, хорошо одетый, известный хирург-ортопед. Он всегда вешал одежду на место, помогал ей по дому, не гонялся за женщинами и ни разу не задерживался сверх положенного срока. Надежный, заботливый, верный... и, самое главное, так нуждался в ней.

Вскоре после знакомства Роберт рассказал Даглесс свою историю. В детстве он отчаянно нуждался в любви и сейчас уверял, что доброе, великодушное сердце Даглесс – именно то, что он искал всю жизнь. Его первая жена, с которой он развелся более четырех лет назад, была холодной, равнодушной, неспособной любить. Всего через три месяца после встречи он заявил, что хочет «постоянных отношений». Даглесс приняла это за предложение, но оказалось, сначала он хотел удостовериться, что они друг другу «подходят».

Иными словами, он хотел, чтобы они жили вместе.

Даглесс посчитала, что Роберт прав и, поскольку до этого уже не раз имела неудачные «отношения» с мужчинами, с радостью перебралась в большой, красивый, дорогой дом Роберта, где принялась всеми силами доказывать, что она настолько же добра, великодушна и полна любви, насколько были холодны и бесчувственны его жена и мать.

И если не считать общения с Глорией, их совместная жизнь была настоящим счастьем. Он был человеком энергичным, и они часто отправлялись на танцы, в пешие походы и велосипедные поездки. Часто принимали гостей и сами посещали вечеринки. Раньше она никогда не жила с мужчиной, но легко вошла в роль хозяйки дома, считая, что именно для этого и создана.

Конечно, кроме Глории, у них имелись и другие проблемы, но Роберт был настолько лучше тех мужчин, с которыми встречалась Даглесс, что она прощала ему маленькие причуды, большая часть которых так или иначе была связана с деньгами. Честно говоря, ее ужасно раздражало, что, когда они оказывались в супермаркете, у самой кассы неизменно выяснялось, что Роберт «забыл» чековую книжку. Та же сцена разыгрывалась у театральных касс и в ресторанах: два раза из трех Роберт неожиданно «обнаруживал», что оставил дома бумажник. Если Даглесс осмеливалась жаловаться, Роберт принимался разглагольствовать о новой эре равноправия и свободных женщинах, которые боролись за то, чтобы оплачивать половину расходов. Правда, потом принимался целовать ее и вел ужинать в дорогой ресторан, где сам оплачивал чек. И Даглесс его прощала.

Она знала, что сможет вынести подобные маленькие проблемы, в конце концов, у каждого свои недостатки, но вот Глория... терпеть ее становилось все труднее. В ее присутствии жизнь превращалась в поле боя. Если верить Роберту, его дочь была самым совершенством,

и поскольку Даглесс отказывалась это признать, со временем он стал смотреть на нее как на врага. Стоило Глории переступить порог, как она и отец оказывались в одной команде, а Даглесс играла на другой стороне поля.

Вот и сейчас Глория предложила отцу конфету из коробки, лежавшей у нее на коленях. Оба и не подумали спросить Даглесс, хочет ли та полакомиться.

Даглесс, по-прежнему прилипшая к окну, скрипнула зубами. Может, это неудачная комбинация Глории и денег так ее злила, потому что в этой поездке небольшие «денежные причуды» Роберта, каковыми она всегда их считала, обернулись чем-то иным.

При первой встрече они часами говорили о своих мечтах, в которых едва ли не главное место занимало путешествие в Англию. Ребенком Даглесс часто ездила в Англию с родными, но это было давно. Когда в сентябре прошлого года она переехала к Роберту, тот предложил через год отправиться в Англию.

– К тому времени мы будем точно знать... – добавил он, не уточнив, что именно они будут знать, но Даглесс была уверена, что через год они поймут, подходят ли друг другу в качестве мужа и жены.

Весь этот год она старательно планировала путешествие, которое постепенно стала считать чем-то вроде медового месяца. Немного преждевременного медового месяца. Зато все решения принимала она и поэтому заказала номера в самых романтических, самых эксклюзивных загородных отелях, которые только могла предложить Англия. Когда она спрашивала мнение Роберта, тот только подмигивал и велел ей не стесняться в расходах.

Она выписала проспекты и путеводители и изучала их, пока не запомнила наизусть названия половины английских поселков. Роберт пожелал только, чтобы путешествие было как познавательным, так и развлекательным, поэтому Даглесс составила список всего, чем можно было заняться в непосредственной близости от их прелестных отелей, что было очень легко, поскольку Великобритания – все равно что Диснейленд для любителей истории.

Потом, за три месяца до отъезда, Роберт объявил, что в этой поездке готовит для нее сюрприз, необыкновенный сюрприз, который доставит ей безмерную радость. Его слова удвоили усердие, с которым Даглесс трудилась над планами, и, кроме того, она нашла волнующей их маленькую игру в тайны. Неужели он решится сделать предложение? Здесь или в Англии?

За три недели до отъезда Даглесс просматривала счета Роберта и, увидев оплаченный чек из ювелирного магазина на пять тысяч долларов, едва не заплакала от счастья.

– Обручальное кольцо, – прошептала она. Огромная сумма, потраченная Робертом на кольцо, была доказательством того, что хотя в мелочах он немного прижимист, все же ничего не жалел в тех случаях, когда речь шла о чем-то действительно важном.

В последующие дни Даглесс пребывала на седьмом небе. Готовила восхитительные обеды для Роберта и была особенно энергичной в спальне, делая все, что приходило в голову, лишь бы ему угодить.

Но за два дня до отъезда Роберт омрачил ее радужное настроение, не так сильно, чтобы окончательно его разрушить, но воздушный шар счастья, распиравший Даглесс, мигом сдулся. Он попросил у нее счета за поездку, билеты на самолет, подтверждения заказов на номера, словом, все, что у нее было. Подвел итог и вручил ей распечатку с калькулятора.

– Это твоя половина расходов.

– Моя? – тупо переспросила она, не понимая, о чем он.

– Я знаю, как важно современным женщинам чувствовать себя независимыми и платить за себя, и не желаю, чтобы меня обвиняли в мужском шовинизме и называли грязной свиньей, – с улыбкой заметил он. – Ты ведь не захочешь быть бременем для мужчины и тяжким грузом повиснуть на моих плечах в дополнение ко всем обязанностям в больнице и постоянным требованиям моей бывшей женушки?

– Н-нет, конечно, нет, – промямлила Даглесс, как всегда сбитая с толку, когда приходилось сталкиваться со странной логикой Роберта. – Просто у меня нет денег.

– Даглесс, детка, пожалуйста, не уверяй, будто тратишь все, что зарабатываешь! Может, тебе следует пойти на бухгалтерские курсы? – пожал плечами Роберт и, понизив голос, добавил: – Но ведь у твоей семьи есть деньги, верно?

Это был один из тех случаев, когда у Даглесс начинал болеть живот и она вспоминала предупреждение доктора, что так можно довести себя до язвы. Она сто раз объясняла Роберту насчет своей семьи. Да, у них есть деньги, и много, но отец считал, что дочери должны уметь содержать себя, и поэтому Даглесс предстоит жить самостоятельно до тридцати пяти лет, когда она получит целое состояние. Конечно, в самом крайнем случае отец ей поможет, но увеселительная поездка в Англию вряд ли может считаться крайним случаем.

– Брось, Даглесс, – усмехнулся Роберт, не дождавшись ответа. – Я постоянно слышу, каким живительным источником любви и поддержки является твоя семья, так почему они не могут помочь тебе сейчас?

Прежде чем Даглесс успела ответить, он поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Ах, детка, пожалуйста, постарайся достать деньги. Я очень хочу поехать с тобой, потому что у меня для тебя есть потрясающий сюрприз!

Даглесс так и хотелось закричать, что он несправедлив! Ему следовало сказать обо всем раньше, тогда она не стала бы заказывать номера в самых дорогих отелях! Но некий внутренний голос спросил: с чего это вдруг он обязан платить за нее? Они не муж и жена. Они, как часто говаривал Роберт, «партнеры».

– Звучит как Джон Уэйн и его кореш, – пробормотала Даглесс, когда впервые услышала это выражение, но Роберт только рассмеялся.

И все же Даглесс не смогла пересилить себя и попросить денег у отца. Это означало признать свое поражение. Поэтому она позвонила своему кузену из Колорадо и попросила о займе. Деньги были отосланы немедленно, без просьбы о процентах, но пришлось все же выслушать небольшую нотацию.

– Он хирург, ты низкооплачиваемая учительница, вы живете вместе целый год, и он считает, что ты обязана оплатить половину стоимости дорогой поездки? – возмущался кузен.

Даглесс хотела объяснить насчет матери Роберта, которая использовала деньги как орудие наказания сына, насчет бесчувственной экс-жены, тратившей все, что зарабатывал Роберт. Хорошо бы, чтобы кузен понял: деньги – всего лишь малая часть их жизни и она твердо уверена, что Роберт собирается сделать ей предложение именно в этой поездке.

Но Даглесс ничего этого не сказала.

– Только вышли деньги поскорее, ладно? – резко бросила она, не желая признаться, как расстроили ее слова кузена.

После того как Даглесс внесла свою долю, к ней вернулось хорошее настроение, и к тому времени, как настала пора собираться, она с прежним нетерпением ожидала поездки. Счастливо улыбаясь, девушка набивала хозяйственную сумку туалетными принадлежностями, путеводителями и всеми, по ее мнению, необходимыми мелочами.

В такси по дороге в аэропорт Роберт был особенно нежен с ней и непрерывно целовал в шейку, пока Даглесс в смущении не оттолкнула его.

– Ты уже угадала, какой у меня сюрприз? – спросил он.

– Ты выиграл в лотерею, – ответила Даглесс, все еще продолжая игру и притворяясь, будто ничего не понимает.

– О, лучше, гораздо лучше!

– Посмотрим... Ты купил замок, и мы будем отныне жить там как господин и госпожа.

– Куда лучше, – серьезно заверил Роберт. – Ты хотя бы имеешь понятие о том, сколько стоит содержание подобного места? Держу пари, ты не сумеешь угадать, что я задумал.

Даглесс с любовью взглянула на него. Она точно знала, как будет выглядеть ее подвенечное платье, и сейчас представила родных, одобрительно ей улыбававшихся. Интересно, унаследуют их дети голубые глаза Роберта или ее, зеленые? Его каштановые волосы или ее, рыжеватые?

– Конечно, не сумею, – солгала она.

В аэропорту она следила за носильщиком, пока Роберт продолжал оглядываться, словно искал кого-то. Едва она отдала носильщику чаевые, как Роберт, вскинув руку, кому-то помахал. Сначала Даглесс была слишком занята, чтобы сообразить, что происходит, и, только услышав вопль «Папочка!», увидела, как к ним мчится Глория. За ней едва поспевал носильщик с тележкой, нагруженной шестью новенькими чемоданами.

«Вот так совпадение!» – подумала Даглесс, проверяя багажные ярлычки, выданные носильщиком. Нужно же было встретить здесь именно Глорию!

Даглесс чуть поморщилась, рассеянно наблюдая, как девчонка виснет на отце. Наконец тот поставил ее на землю, продолжая при этом обнимать пухлые плечики.

Покончив с багажом, Даглесс впервые внимательно присмотрелась к драгоценной доченьке Роберта и невольно нахмурилась. На Глории красовались куртка с бахромой, ковбойские сапожки и чересчур короткая кожаная юбчонка. В этом наряде девочка смотрелась разжиревшей стриптизеркой эпохи шестидесятых.

Интересно, где ее мать и как могла эта женщина позволить своему ребенку одеться подобным образом?

Даглесс принялась оглядываться в поисках бывшей жены Роберта, но никого не увидела.

– Привет, Глория, – произнесла она наконец. – Вы с матерью тоже уезжаете?

Глория и Роберт дружно закатились смехом, едва не принявшись кататься по полу.

– Ты не сказал ей! – взвизгнула девчонка.

– Это и есть сюрприз, – объявил Роберт.

Даглесс молча уставилась на отца с дочерью.

– Обе мои девочки едут со мной! – гордо провозгласил Роберт и привлек к себе Даглесс.

– Обе? – прошептала Даглесс. На большее ее не хватило: в горле застрял колючий ком.

– Да! – радостно подтвердил Роберт. – Глория и есть тот сюрприз, на который я намекал. Она летит с нами в Англию. Так и знал, что не догадаешься! Ты и не догадалась, верно?

Верно. Даглесс нечто подобное даже в голову не пришло. И теперь, поняв, что прекрасному, романтическому путешествию, о котором она мечтала, не суждено случиться, она едва не завопила, не затопала ногами, не отказалась ехать. Ей очень хотелось устроить скандал, но она, разумеется, ничего подобного не сделала.

– Но я заказывала номера на двоих, – выдавила она после долгого ошеломленного молчания.

– Что поделать, велим принести раскладную кровать, – отмахнулся Роберт. – Уверен, что всякие мелочи постепенно уладятся, потому что мы любим друг друга, и это главное. – Он отпустил Даглесс и отошел. – А теперь к делу! Надеюсь, ты не откажешься проверить багаж Глории, пока я немного поболтаю с моим ягненочком. Договорились?

Даглесс только и смогла, что кивнуть, и, механически переставляя ноги, направилась к стойке регистрации в сопровождении носильщика с тележкой.

У них оставалось совсем немного времени до отлета, а Роберт и его дочь были так поглощены друг другом, что Даглесс, к счастью, могла не участвовать в разговоре. Ей пришлось заплатить двести восемьдесят долларов за излишний вес багажа да еще и дать чаевые носильщику. Даже если бы ее о чем-то спросили, вряд ли она нашла бы в себе силы ответить. Только все яснее осознавала, что ее мечты бесследно исчезают, рассыпаясь в прах. Ужины с шампанским уступили место фастфуду, наскоро съедаемому в машине. Дневные

часы неторопливых прогулок по лесным дорожкам сменились ведениями постоянных споров о необходимости найти что-то такое, «что понравилось бы и Глории».

Кроме того, теперь им даже в спальне не остаться наедине. Все трое принуждены делить одну комнату. Вряд ли это столь уж приятная перспектива!

Только когда они сели в самолет, Даглесс поняла, что Роберт немало потрудился над участием дочери в поездке. Судя по посадочному талону, ее место было в том же ряду, у прохода.

Но Роберт посадил Глорию рядом с собой, так что у прохода очутилась Даглесс. Именно то место, которое она ненавидела больше всего, поскольку постоянно стюардессы утверждали, что она мешает проезду тележки.

Во время длинного полета Роберт с улыбкой вручил Даглесс билет Глории.

– Добавь это к списку расходов, договорились? И мне требуется отчет в каждом пенни, вернее, в каждом шиллинге. Мой бухгалтер считает, что я должен вычесть расходы на путешествие из налоговой декларации.

– Но ведь это развлекательная, а не деловая поездка! – удивилась девушка. Роберт нахмурился:

– Даглесс, прошу, не начинай все сначала! Я всего лишь попросил тебя учитывать расходы, с тем чтобы, вернувшись домой, поделить все пополам.

Даглесс глянула на билет Глории, который все еще держала в руках.

– Хочешь сказать, на три части? Одна часть моя, две трети – твои и Глории.

Роберт бросил на нее полный ужаса взгляд и поспешно обнял Глорию, словно пытаясь защитить дочь от человека, вознамерившегося ее ударить.

– Нет, именно пополам. Глория поехала и ради тебя тоже. Деньги ничто по сравнению с радостью, которую доставит тебе ее общество.

Даглесс отвернулась. Спорить сейчас бессмысленно, они обсудят это позже, с глазу на глаз. А пока что Глория со злорадным интересом наблюдает за ней...

Весь остаток пути она читала, пока Глория и Роберт играли в карты, полностью ее игнорируя. Дважды ей пришлось принять транквилизатор, чтобы уберечь желудок, пожиривший сам себя.

И вот теперь она снова потирала ноющий живот. За те четыре дня, что они пробыли в Англии, она честно пыталась развлекаться. И даже не жаловалась, когда в первую ночь в красиво обставленном гостиничном номере Глория так стонала и рыдала из-за раскладной кровати, поставленной в спальню – после того как владелец раздраженно прочитал Даглесс нотацию на предмет неожиданного появления третьего человека в комнате, рассчитанной на двоих, – что Роберт попросил дочь лечь с ними в большую двуспальную кровать. Когда же Даглесс дважды едва не спихнули на пол, она молча легла на раскладушку. Мало того, слова не сказала, когда Глория заказала самые дорогие блюда в роскошном ресторане.

– Я просто хочу, чтобы моя детка попробовала все, что пожелает, – заявил Роберт. – И, Даглесс, перестань жадничать! Не знаю, что это на тебя нашло. Я всегда считал тебя человеком щедрым!

Завершив речь, он протянул Даглесс огромный счет, за который она была обязана заплатить половину.

Даглесс пришлось постоянно напоминать себе, что она – взрослый человек, а Глория – всего лишь ребенок. Кроме того, она утешала себя мыслью о том, что где-то в вещах Роберта лежит обручальное кольцо за пять тысяч долларов. Мысль об этом кольце подогревала ее уверенность в любви Роберта. И она напоминала себе, что он все это делает ради привязанности к дочери.

Но после прошедшей ночи Даглесс больше не могла поддерживать видимость хорошего настроения. Вчера за очередным ужином, стоявшим не менее полутора доллара,

Роберт протянул Глории длинный футляр, обтянутый синим бархатом. Даглесс со сжавшимся сердцем наблюдала, как девочка открывает футляр. Глаза Глории загорелись.

– Но сегодня не мой день рождения, папочка, – прошептала она.

– Знаю, пышечка. Это просто чтобы ты не забывала: я тебя люблю.

Глория медленно вынула широкий браслет из желтого и белого золота, усыпанный бриллиантами и изумрудами.

Даглесс невольно ахнула, увидев, что ее предполагаемое «обручальное кольцо» красуется на пухлом запястье Глории. Та торжествующе подняла руку:

– Видишь?

– Вижу, – холодно бросила Даглесс.

После ужина Роберт отвел ее в сторону и взбешенно прошипел:

– Не слишком ты обрадовалась моему подарку дочери! Глория пыталась показать тебе браслет. Хотела, чтобы ты была хоть немного счастлива за нее, а ты?! Ты оттолкнула девочку! Так обидеть ни в чем не повинного ребенка!

– Именно за это ты заплатил пять тысяч долларов? Бриллиантовый браслет для тринадцатилетней девочки?!

– Глория – молодая женщина, прекрасная молодая женщина, и она заслуживает прекрасных вещей. Кроме того, это мои деньги. По-моему, мы еще не муж и жена, и ты не имеешь никаких прав на мои доходы!

Они впервые за последнее время остались наедине, и Даглесс ужасно хотелось сохранить чувство собственного достоинства. Не важно, что Роберт купил своей юной дочери бриллианты и заставил женщину, с которой жил, оплатить половину всех расходов. В конце концов, какое это имеет значение?!

Однако, к несчастью, Даглесс никогда не могла скрывать свои истинные чувства. Стараясь сдерживать переполнявшие глаза слезы, она положила руки ему на плечи:

– Но мы действительно поженимся? Это когда-нибудь случится?

Роберт рассерженно вырвался.

– Нет, если ты не начнешь выказывать немного больше любви и великодушия по отношению ко мне и к моей дочери! – процедил он, окидывая ее холодным взглядом. – Знаешь, я думал, ты другая, а оказывается, ты так же равнодушна и бесчувственна, как моя бывшая жена. Извини, мне нужно утешить дочь. Бедняжка, должно быть, выплакала свои глазки после того, как ты с ней обошлась! – С этими словами он повернулся и вошел в номер.

Даглесс устало прислонилась к стене.

– Изумрудные серьги миготали ее слезы, – прошептала она в пустоту.

И вот теперь она сидела в машине, заваленная чемоданами Глории, и отчетливо понимала, что не дождется ни предложения, ни обручального кольца. Вместо этого ей предстоит путешествие длиной в целый месяц. И в этом путешествии ей придется играть роль секретаря и штурмана Роберта и терпеть издевки его дочери.

В этот момент Даглесс не была уверена в своих дальнейших действиях, но уж очень привлекала мысль о том, чтобы улететь домой первым же рейсом.

В этот момент она случайно поглядела в затылок Роберту, и сердце куда-то покатилося. Если она поддастся приступу ярости и вернется домой, придется немедленно выбираться из дома Роберта. Следует найти квартиру, а потом...

Что потом? Снова встречаться с кем-то? В школе так редко появляются мужчины! Правда, она может приехать к родным и... признать очередную неудачу?

– Даглесс! – окликнул Роберт. – По-моему, мы заблудились. Где эта церковь? Я думал, ты сверяешься с картой! Не могу же я вести машину и быть штурманом!

В голосе звучало раздражение, и Даглесс поняла, что он все еще злится на нее за вчерашнее.

Она поспешно развернула карту и, вытянув шею, взглянула в лобовое стекло, хотя ей ужасно мешала голова Глории.

– Здесь! – сообщила она, рассмотрев дорожный знак. – Сворачивай вправо.

Роберт свернул на одну из бесчисленных узких дорог Англии. Росшие по обе стороны кусты почти перекрывали дорожное полотно, но машина упорно катилась к забытой богом деревушке Ашбертон.

– В здешней церкви тринадцатого века находится могила графа, жившего во времена королевы Елизаветы, – объявила Даглесс, сверившись с записной книжкой. – Лорд Николас Стаффорд скончался в 1564 году.

– Опять церковь? – громко заныла Глория. – Меня уже тошнит от церквей! Неужели она не может найти что-то получше?

– Меня просили ограничиться историческими достопримечательностями, – отрезала Даглесс, не позаботившись смягчить тон.

Роберт остановил машину и оглянулся на Даглесс.

– Замечание Глории вполне резонно, и я не вижу причин срывать на ней дурное настроение. Даглесс, я начинаю жалеть, что взял тебя с собой, – бросил он, прежде чем выбраться из машины.

– Взял меня?! – ахнула Даглесс, но он, обнимая Глорию за плечи, уже был на полпути к церкви. – Но я сама заплатила за себя, – едва успела прошептать она.

Даглесс не вошла в церковь вслед за Робертом и Глорией. Вместо этого она долго бродила по усеянному камнями и рытвинами кладбищу, рассеянно разглядывая древние надгробия. Ей нужно было принять серьезное решение, а для этого требовалось время, чтобы все спокойно обдумать. Остаться и терпеть все это или уехать? Если улететь сейчас, Роберт никогда не простит ее, и все время и усилия, потраченные на него, пропадут зря.

– Привет!

Даглесс подскочила от неожиданности и, повернувшись, увидела стоявшую за спиной Глорию. Может, воображение сыграло с девушкой злую шутку, но ей казалось, что браслет Глории вспыхивает на солнце.

– Что тебе нужно? – с подозрением осведомилась Даглесс.

Глория выпятила пухлую нижнюю губу.

– Ты ненавидишь меня, верно?

Даглесс вздохнула:

– Нет, вовсе нет. Я просто... детям этого не понять. Это взрослые дела, – нетерпеливо пробормотала она. Ей ужасно хотелось остаться одной и хорошенько поразмыслить. – Почему ты не осматриваешь церковь?

– Там скучно. Хорошенькая у тебя блузка, – заметила Глория, опутив глаза с привычно хитрой гримаской, которую Даглесс столько раз наблюдала раньше. – И выглядит дорого. Это твои богатенькие родители тебе купили?

Но Даглесс не собиралась попадаться на удочку. Окинув Глорию насмешливым взглядом, она повернулась и отошла.

– погоди! – крикнула Глория. – Ой, больно!

Снова обернувшись, Даглесс увидела, как девчонка распростерлась у большого, грубо обработанного надгробия. Сомнительно, чтобы Глория ушиблась: уж очень она любит театральные эффекты. Все же Даглесс со вздохом нагнулась, чтобы помочь ей, но, едва поднявшись на ноги, Глория разразилась слезами. Даглесс неловко погладила ее по плечу. И даже состроила сочувственную гримасу, потому что Глория в самом деле ударилась о камень. Глория осмотрела ранку и заплакала еще громче.

– Ну, не так уж тебе и больно, – заметила Даглесс, пытаясь утешить девочку, – почему бы тебе не надеть новый браслет на эту руку? Сразу все пройдет!

– Дело не в этом, – шмыгнула носом Глория. – Я расстроилась, потому что ты меня ненавидишь. Папочка сказал, ты вообразила, что он купил не браслет для меня, а обручальное кольцо тебе!

Даглесс отдернула ладонь, словно обжегшись.

– Какая глупость! Что заставило его так посчитать?

Глория искоса взглянула на оцепеневшую Даглесс.

– О, папочка все о тебе знает! – злобно прошипела она. – Знает, что ты думала, будто сюрпризом станет предложение выйти за него замуж! Знает, что ты раз мечталась, увидев чек от ювелира. Хотела получить обручальное колечко, да не вышло! Мы с папочкой все время смеемся над тобой и над тем, как ты рвешься за него замуж. Он говорит, ты сделаешь все, пойдешь на все, лишь бы он попросил тебя стать его женой!

Даглесс затрясло. Улыбочка Глории сияла откровенным злорадством.

– Папочка говорит, что, если бы не твое наследство, он бы давно от тебя избавился.

И тут Даглесс, словно ожив, ударила по самодовольной толстой физиономии.

Как на грех, в этот момент из церкви вышел Роберт, и Глория с воплем ринулась в объятия отца:

– Она избила меня и оцарапала руку! Смотри, папочка, у меня кровь идет! Это она наделала!

– Боже мой, Даглесс! – в ужасе ахнул Роберт, широко раскрыв глаза. – Поверить не могу! Избить ребенка...

– Ребенка? Хватит с меня этого ребенка! Я по горло сыта твоим постоянным сюсюканьем с ней! И твоим обращением со мной!

Роберт окинул ее ледяным взглядом:

– Всю эту поездку мы были добры к тебе, несмотря на то что ты злилась и ревновала. Мы из кожи вон лезли, чтобы тебе угодить!

– Боюсь, ты преувеличиваешь! Вы и пальцем о палец не ударили, чтобы мне угодить! Все для Глории, все ради Глории!

На глазах Даглесс выступили слезы, горло перехватило так, что стало трудно дышать. В ушах звенели ехидные слова Глории.

– Вы смеялись надо мной за моей же спиной!

– У тебя разыгралось воображение, – бросил Роберт, по-прежнему обхватив руками Глорию, словно боялся, что Даглесс набросится на нее. – Но поскольку мы так тебе неприятны, может, обойдешься без нашего общества?

Повернувшись, он повел Глорию к машине.

– Согласна, – кивнула Даглесс. – Я готова вернуться домой.

Нагнувшись, она потянулась к сумочке, оставленной у надгробия. Но рука ушла в пустоту. Даглесс поспешно заглянула за ближайшими могильными плитами, но сумочки не было.

Шум мотора заставил ее поднять глаза. Сначала она даже не поняла, что происходит. Роберт уезжает, бросив ее здесь, в этой глуши!

Даглесс кинулась к воротам, но машина уже выехала на дорогу. И тут, к своему ужасу, Даглесс увидела вытянутую в окно руку Глории. С пальцев свисала ее сумочка!

В бесплодной попытке догнать их Даглесс побежала следом, но машина вскоре исчезла из виду. Ошеломленная, отупевшая, не понимающая, что случилось, девушка побрела к церкви. Она в чужой стране без денег, кредитных карточек и паспорта. Однако ужаснее всего то, что человек, которого она любила, безжалостно ее бросил.

Тяжелая дубовая дверь церкви осталась открытой, поэтому Даглесс вошла внутрь. Тут царил полумрак, было холодно и пахло сыростью, но от высоких стен веяло спокойствием и благоговением.

Придется поразмыслить о ситуации, в которой она оказалась, и решить, что делать. Роберт, конечно, вернется за ней. Может, он уже поворачивает машину, чтобы добраться до церкви. Еще минута, и он вбежит в дверь, схватит Даглесс в объятия, скажет, что жалеет о случившемся и надеется на ее прощение.

Но в глубине души Даглесс в это не верила. Роберт был слишком зол, а Глория лгала не краснея. Она, разумеется, уже успела сочинить сказку о том, как Даглесс повредила ей руку, и еще больше подогреет гнев отца.

Будет лучше, если Даглесс придумает, как выбраться из этого переплета. Нужно позвонить отцу за его счет и попросить прислать денег. Хотя при этом придется признаться, что его младшая дочь потерпела очередную неудачу.

Слезы невольно брызнули из глаз, стоило представить, как старшая сестра Элизабет пренебрежительно пожимает плечами: «Что опять натворила наша маленькая легкомысленная сестричка?»

Роберт был попыткой Даглесс заставить родных гордиться ею. Он был разительно не похож на тех парней, с которыми время от времени встречалась Даглесс. Он был таким respectable, таким солидным. Может, если бы она сдержала свой нрав и немного потерпела Глорию... Может быть... Слезы слепили глаза Даглесс, но она упрямо оглядывала церковь. Солнечные лучи струились в старые окна, прорезанные высоко над ее головой, и падали на белую мраморную гробницу в часовне слева. Даглесс шагнула вперед. На гробнице застыла беломраморная скульптура мужчины, в панцире и странных на вид коротких штанах. Ноги скрещены в щиколотках, под мышкой зажат шлем.

– Николас Стаффорд, – прочла она вслух. – Граф Торнуик.

Даглесс хотела поздравить себя с тем, что так мужественно держалась в печальных обстоятельствах, но вдруг все случившееся нахлынуло на нее девятым валом, и колени подогнулись. Она упала на пол, схватившись за надгробие и прислонившись лбом к холодному мрамору. И заплакала, громко, надрывно: рыдания словно рвались из самой глубины души. Сейчас она чувствовала себя неудачницей, полной и абсолютной неудачницей. И плакала не из-за того, что произошло сегодня. Казалось, все, к чему она прикасалась, немедленно рушилось. С тех пор как она стала взрослой, отец то и дело вытаскивал ее из различных историй, по большей части не слишком приятных.

Вспомнить хотя бы мальчика, в которого безумно влюбилась шестнадцатилетняя Даглесс. Влюбилась и восстала против всей семьи, потому что родным он не нравился. Но сестра Элизабет, мудрая, никогда не ошибавшаяся Элизабет, показала Даглесс кое-какие документы, из которых выяснилось, что мальчику, которого она любила, было уже двадцать пять и среди его многочисленных «подвигов» был тюремный срок. Даглесс вызывающе объявила, что продолжает любить его, несмотря ни на какие недостатки. Отношения прервались сами собой, когда ее возлюбленный был арестован за вооруженный грабеж.

В девятнадцать она увлеклась священником. Ей казалось, что любить служителя церкви вполне безопасно. Но и эта любовь закончилась крахом, когда фотография священника появилась на первых страницах газет. Оказалось, что он уже был трижды женат.

А потом, потом...

Даглесс рыдала так сильно, что не могла вспомнить остальных. Роберт казался совсем другим, таким ординарным, таким приличным... она и его не смогла удержать.

– Да что это такое со мной? – вскрикнула она, глядя сквозь слезы на мраморное лицо человека, похороненного в этой могиле.

В двадцать два года, обнаружив, что ее последняя любовь, биржевой брокер, арестован за предательство интересов клиента, она вскарабкалась на колени к отцу и спросила, не может ли он выбрать для нее жениха.

Адам Монтгомери рассмеялся:

– Твоя проблема, солнышко, заключается в том, что ты влюбляешься в мужчин, которые слишком в тебе нуждаются. Ты должна найти такого, который бы просто хотел тебя, и только тебя.

Даглесс жалостно шмыгнула носом.

– Это мне и требуется! Рыцарь без страха и упрека, в сверкающих доспехах, на белом коне, который хотел бы меня так сильно, что увез бы в свой замок, где мы и жили бы долго и счастливо.

– Что-то в этом роде, – с улыбкой согласился отец. – Сверкающие доспехи – это неплохо, но, Даглесс, милая, если он начнет отвечать на таинственные ночные звонки, а потом прыгать на свой «харлей» и не возвращаться по нескольку дней, постарайся поскорее удрать из замка, договорились?

Даглесс заплакала еще громче, вспомнив, сколько раз приходилось обращаться к родным за помощью. И вот теперь опять! Опять придется признаваться, что она вела себя как дурочка из-за очередного мужчины. Но на этот раз все было еще кошмарнее, поскольку этого мужчину одобрила вся семья. Но и его Даглесс ухитрилась потерять!

– Помогите мне, – прошептала она, погладив мраморную руку. – Помогите найти рыцаря в сверкающих доспехах! Помогите найти человека, который меня захочет!

Усевшись на корточки и закрыв руками лицо, Даглесс зарыдала еще громче.

Постепенно она осознала, что кто-то стоит рядом. Когда она повернула голову, поток солнечного света, проникавшего в высокое окно, ударился о металл и ослепил ее. Даглесс, зажмурившись, плюхнулась на пол и поднесла ладонь козырьком к глазам. Рядом стоял мужчина, на котором, похоже, были... доспехи.

Он стоял неподвижно и сверлил Даглесс таким свирепым взглядом, что она сначала подумала, будто это ей привиделось. Разинув от изумления рот, девушка уставилась на незнакомца. Он был на редкость хорош собой, хотя почему-то облачился в театральный костюм старинной эпохи. Вокруг шеи шел небольшой сборчатый воротник, панцирь доходил только до талии, зато какой панцирь! Он сверкал так, словно был сделан из серебра. По всей поверхности были искусно вытравлены цветочные гирлянды, заполненные похожим на золото металлом. От талии до середины бедер пузырились пышные короткие шаровары. Ноги, длинные мускулистые ноги, были затянuty в чулки, сотканые из... только одно волокно на земле отражало свет таким образом: шелк. Над левой коленкой красовалась изумительно вышитая подвязка из синего шелка. А туфли были и совсем странными: мягкими, с небольшими вырезами поперек мысков.

– Итак, ведьма, – спросил мужчина мягким баритоном, – ты заманила меня сюда. Что же тебе от меня нужно?

– Ведьма? – недоуменно переспросила Даглесс, шмыгая носом и вытирая слезы.

Откуда-то из пышных шаровар появился белый полотняный платок, который незнакомец протянул девушке. Даглесс шумно высморкалась.

– Это мои враги наняли тебя? – продолжал допытываться мужчина. – Неужели им мало заговоров? Разве моей головы для них недостаточно? Встаньте, мадам, и объяснитесь!

Нет, он просто неотразим! Жаль, что крыша поехала!

– Послушайте, я не понимаю, о чем вы говорите, – пробормотала Даглесс, медленно поднимаясь. – А теперь прошу извинить...

На этом она осеклась, потому что он вытащил шпагу и приставил острое к ее горлу.

– Сними свои чары, ведьма! Я должен вернуться.

Нет, это уж слишком! Сначала Роберт и его лживая доченька, а теперь этот безумный Гамлет!

Снова разразившись слезами, она прислонилась к холодной каменной стене.

– Проклятие! – пробормотал мужчина, и не успела Даглесс оглянуться, как он поднял ее, понес к церковным скамьям и усадил, все еще не сводя с нее уничтожающего взгляда.

– Это худший день в моей жизни! – зарыдала она, но мужчина зло уставился на нее, словно актер из старой картины с Бетт Дэвис!

– Простите, – выдавила она, – обычно я не плачу так много и долго, но когда тебя бросает любимый мужчина, а потом какой-то неизвестный еще и накидывается со шпагой... этого ни одной женщине не вынести.

Вытирая глаза, она случайно взглянула на платок, большой полотняный квадрат с широкой каймой, вышитой цветами и драконами.

– Как красиво! – захлебнулась она слезами.

– Сейчас не время для банальностей. На карту поставлена моя душа... и твоя тоже. Повторяю: сними свои чары.

Но Даглесс уже почти пришла в себя.

– А я говорю, что не понимаю, о чем вы. Я решила выплакаться в одиночестве, но тут являетесь вы в этом абсурдном одеянии и начинаете на меня орать. Если так будет продолжаться, я, пожалуй, вызову полицию, или что там у них имеется в сельской местности. Вы имеете право на ношение подобного оружия?

– Право? – протянул мужчина, глядя на ее руку. – Это часы¹ такие? И что это на тебе надето?

– Разумеется, часы, а это мой дорожный костюм. Специально куплен для поездки в Англию. Классика. Никаких джинсов или маек. Симпатичная юбка, приличная блузка. Словом, одежда в стиле мисс Марпл.

Он продолжал хмуриться. Глаза по-прежнему сверкали гневом.

– И разговор у тебя необычайно странный. Ни слова не поймешь! Да что ты за ведьма такая?

Даглесс в полном отчаянии воздела руки к небу и встала. Он оказался намного выше ее ростом, так что ей пришлось запрокинуть голову. Черные вьющиеся волосы доходили до самого воротничка. Кроме того, у него имелись аккуратно подстриженные усы и острая короткая борода.

– Я не ведьма и не желаю быть частью вашей елизаветинской драмы, – твердо заявила она. – А теперь я ухожу из этой церкви и даю слово: если вы вздумаете снова забавляться этой вашей шпагой, закричу так, что стекла посыплются. Вот вам ваш платок. Простите, что он такой мокрый, и благодарю за то, что одолжили его мне. Прощайте. Надеюсь, ваша пьеса заслужит одобрение критики.

Резко повернувшись, она направилась к выходу.

– По крайней мере, все самое кошмарное уже случилось, так что ничего больше ожидать не приходится, – пробормотала она, покидая двор. За воротами стояла телефонная будка, и Даглесс воспользовалась ею, чтобы позвонить родителям в США. Сообщив оператору, что звонок оплатит другая сторона, она стала ждать ответа. В штате Мэн стояло раннее утро, и только несколько секунд спустя к телефону подошла сонная Элизабет.

Господи, кто угодно, только не она! Даглесс расстроено закатила глаза к небу. Только не ее идеальная старшая сестра.

– Даглесс, это ты? – спросила Элизабет, немного придя в себя. – Ты в порядке? Или что-то опять стряслось?

Даглесс скрипнула зубами.

– Конечно, я в полном порядке. А па дома? Или ма?

¹ Автор допускает явный анахронизм. Современные механические часы были созданы Х. Гюйгенсом в середине XVII века. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Или любой прохожий. Но не Элизабет!

Элизабет громко зевнула.

– Нет, они ушли в горы. Осталась только я. Смотрю за домом и работаю над статьей.

– Думаешь, она заслужит Нобелевскую премию? – спросила Даглесс, мучительно пытаясь пошутить и изображая легкомысленный тон. Но Элизабет было трудно обмануть.

– Ладно, Даглесс, признавайся, что произошло? Или этот твой хирург бросил тебя в какой-то глуши?

Даглесс фальшиво хихикнула:

– Элизабет, что за глупости! Мы с Робертом и Глорией прекрасно проводим время. Здесь столько всего можно увидеть и узнать! Да вот только сегодня мы смотрели средневековую пьесу! Актеры были удивительно хороши! А костюмы! Просто не поверишь! Как настоящие.

Элизабет немного помолчала.

– Даглесс, ты лжешь! Я даже по телефону слышу! У тебя неприятности? Нужны деньги?

Но как ни старалась Даглесс, все же не могла заставить собственный язык выговорить заветное «да». Ее родные обожали рассказывать друг другу и при гостях то, что именовали «Даглесс-историями». Особенно нравился тот случай, когда Даглесс захлопнула дверь гостиничного номера и осталась в коридоре в одном полотенце. Было среди них и повествование о том, как Даглесс зашла в банк, чтобы обналичить чек, и попала в самый разгар ограбления. Изюминкой этой истории считалось весьма пикантное обстоятельство: когда полиция все же прибыла на место преступления, обнаружилось, что грабители были вооружены игрушечными пистолетами.

И теперь она живо представляла, как сестра со смехом излагает всем остальным Монтомгери, как их потешная малышка Даглесс отправилась в Англию, где ее оставили в заброшенной церкви, без денег, паспорта и кредиток.

«И кстати, – добавит Элизабет, перекрывая взрывы хохота, – на нее напал спятивший шекспировский актер!»

– Нет, мне не нужны деньги, – выговорила наконец Даглесс. – Просто соскучилась и хотела поговорить. Надеюсь, ты вовремя закончишь статью. Пока, дорогая.

Она на мгновение прислонилась к стене будки и закрыла глаза. Кажется, сейчас опять заплачет! От природы наделенная гордостью Монтгомери, она в жизни не сделала ничего такого, чем могла бы гордиться! Три старшие сестры казались ей самым воплощением успеха. Элизабет была химиком-исследователем, Кэтрин – профессором физики, Энн – адвокатом по уголовным делам. Даглесс же, с ее жалкой работой учительницы начальной школы и длинным списком неудач с мужчинами, была отведена роль семейного шута.

Смаргивая слезы, она все же заметила, как мужчина в панцире покинул церковь и пошел по дорожке. При этом он без особого интереса посмотрел на древние надгробия и решительно зашагал к воротам.

Даглесс неожиданно выпрямилась. На дороге показался автобус, мужчина шел очень быстро, и она каким-то образом инстинктивно поняла, что он сейчас попадет прямо под колеса.

Даглесс, не задумываясь, бросилась бежать. Как раз в этот момент из-за здания церкви вышел викарий и, увидев всю сцену, тоже бросился спасать незнакомца.

Но Даглесс успела первой и, подставив абсолютно безупречную подножку из тех, которыми научилась, когда играла в футбол с колорадскими кузенами, свалила незнакомца на землю и сама плюхнулась сверху. Оба заскользили поперек гравийной дорожки на его панцире, как на крошечной шлюпке. Автобус пролетел мимо. Еще секунда – и мужчине не поздоровилось бы!

– Ну как вы? – осведомился викарий, протягивая Даглесс руку, чтобы помочь встать.

– Н-ничего, – пробормотала девушка, вставая и отряхиваясь. – У вас все в порядке? – в свою очередь, спросила она незнакомца.

– Что это за непонятная колесница? – растерянно выпалил он, садясь, но не пытаясь встать. – Я не слышал шума колес. И... и лошадей тоже не было!

Даглесс и викарий молча переглянулись.

– Пойду принесу ему воды, – решил викарий, слегка улыбнувшись Даглесс, словно желая сказать: «Вы спасли его, так что теперь он ваш».

– Погодите! – завопил мужчина. – Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой, – недоуменно ответил викарий и, когда мужчина снова улегся на землю, нахмурился и покачал головой, после чего поспешил прочь, оставив их наедине.

Даглесс предложила руку лежащему на земле мужчине, но тот отказывался встать.

– Думаю, вам нужно сесть, – сочувственно посоветовала она, показывая на железную скамью, окруженную низкой каменной оградой. Незнакомец не пошел первым, но покорно последовал за Даглесс через открытую калитку и стал дожидаться, пока она сядет. Но Даглесс подтолкнула его к скамье. Он выглядел слишком бледным и сбитым с толку, чтобы обращать внимание на правила вежливости. – Знаете, вы просто опасны! Немедленно садитесь, а я вызову доктора. Вы нездоровы, – бросила Даглесс. И отвернулась, чтобы идти. Но его следующие слова пригвоздили ее к месту.

– Думаю, я, наверное, уже мертв, – тихо пробормотал он.

Даглесс в раздумье уставилась на него. Если он хочет покончить с собой, его нельзя оставлять одного.

– Почему бы вам не пойти со мной? – мягко спросила она. – Вам необходима помощь. Мужчина не тронулся с места.

– Что это за карета, которая едва не сбила меня?

Даглесс шагнула к скамье и села. Если он действительно подумывает о самоубийстве, нужно, чтобы кто-то с ним поговорил.

– Откуда вы? Судя по выговору, англичанин, только такого акцента я никогда не слышала.

– Я англичанин. Что это за колесница?

– Ладно, – вздохнула Даглесс. Придется играть по его правилам. – В Англии это называется междугородный автобус. Правда, он шел слишком быстро, но, по моему мнению, единственное, с чем смирились англичане двадцатого века, – это скорость их машин. – Она смешно наморщила нос и покачала головой: – Итак, о чем еще вы не знаете? Самолеты? Поезда? – Она не против ему помочь, но у нее и своих забот полно. – Послушайте, мне действительно пора. Давайте зайдем в дом священника и попросим вызвать доктора, – предложила она, но, помедлив, передумала. – А может, следует позвонить вашей матери?

Жители деревни, разумеется, должны знать о безумце, который повсюду бегаёт в панцире и притворяется, будто никогда не видел наручных часов или автобуса.

– Моя мать? – едва заметно улыбнулся мужчина. – Боюсь, моя мать уже в могиле.

Может, он потерял память из-за тоски по матери?

– Простите, – пробормотала Даглесс, смягчившись. – Она умерла недавно?

Перед тем как ответить, мужчина задумчиво устремил взгляд в небеса.

– Примерно четыреста лет назад.

Услышав это, Даглесс стала подниматься.

– Я сейчас позову кого-нибудь...

Но он поймал ее за руку и не дал уйти.

– Я сидел в комнате и писал матери письмо, когда услышал женский плач. В комнате стало темно, голова закружилась, и я очутился рядом с незнакомой женщиной. Этой женщиной оказалась ты.

Он уставился на нее умоляющими глазами.

Даглесс подумала, что лучше всего будет оставить этого мужчину одного и уйти. И она бы так и сделала... если бы он не выглядел так божественно.

– Может, на вас нашло затмение и вы не помните, как оделись и отправились в церковь. Пожалуйста, объясните, где вы живете, чтобы я смогла проводить вас домой.

– Когда я находился в своей комнате, был год тысяча пятьсот шестьдесят четвертый от Рождества Господа нашего.

Совершенно спятил! Бредит. Такой красавец – и сумасшедший. Ей, как всегда, везет!

– Идемте со мной, – тихо попросила она, словно говорила с ребенком, готовым вот-вот ступить с обрыва. – Мы найдем кого-нибудь. Вам обязательно помогут.

Мужчина мгновенно сорвался со скамьи. Голубые глаза гневно сверкали. Его внушительные размеры, неприкрытый гнев, не говоря уже о стальном панцире и острой как бритва шпаге, заставили Даглесс осторожно отступить.

– Я не сумасшедший, мистрис. Понятия не имею, почему я здесь и как очутился в этой церкви, но знаю, кто я и откуда явился.

Даглесс вдруг разобрал смех.

– Так вы утверждаете, что прибыли сюда напрямую из шестнадцатого века? Времена королевы Елизаветы, верно? Елизаветы Первой, разумеется. – Вот это да! Лучшая Даглесс-история из всех, ею пережитых! – Утром меня бросает жених, а час спустя призрак держит шпагу у моего горла! – хмыкнула она, вставая. – Огромное спасибо, мистер. Вы сумели меня развеселить! Я просто захлебываюсь от смеха! Сейчас позвоню сестре и попрошу выслать десять фунтов, не больше и не меньше, после чего сажусь на поезд и еду в отель, где остановились мы с Робертом. Забираю билет на самолет и лечу домой. Уверена, что после сегодняшнего остаток дней моих пройдет без особых потрясений.

Она попыталась отвернуться, но он заступил ей дорогу и извлек из сборчатых шаровар кожаный кошель. Заглянул в него, вынул несколько монет и сунул в ладонь Даглесс, сомкнув ее пальцы в кулак.

– Возьмите десять фунтов, мадам, и уходите. Я бы дал и больше, лишь бы избавиться от вас и вашего злого языка. Я попрошу Господа простить вам грехи.

Ее так и подмывало швырнуть монеты ему в лицо, но это означало, что придется вновь звонить сестре.

– Это я, злая колдунья Даглесс. Не знаю, зачем мне нужен поезд, если есть совершенно исправная метла! Я пришлю вам деньги на адрес викария. Прощайте, и надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

Она повернулась и вышла со двора как раз в ту минуту, как вернулся викарий со стаканом воды для незнакомца. Ничего, пусть кто-то другой разбирается с его фантазиями. Возможно, у этого психа полный сундук костюмов. Сегодня он елизаветинский рыцарь, завтра – Авраам Линкольн или Горацио Нельсон, поскольку последний англичанин.

Деревенька была настолько мала, что найти вокзал оказалось легче легкого. Она подошла к кассе и попросила билет.

– Три фунта шесть пенсов, – объявил кассир.

Даглесс никогда не могла разобраться в английских деньгах. Ей казалось, что у англичан слишком много монет одной стоимости, поэтому она, не глядя, сунула пригоршню денег, полученных от незнакомца.

– Этого достаточно?

Кассир долго разглядывал монеты, переворачивал, тщательно исследовал, после чего покачал головой и удалился. Даглесс решила, что ее немедленно арестуют за распространение фальшивых денег, но все же терпеливо ждала возвращения кассира. Сейчас арест казался ей вполне достойным завершением дня.

Через несколько минут к окну подошел человек в мундире:

– Мы не можем взять это, мисс. Думаю, вам следует отнести их к Оливеру Сэмюелсону. Сверните вправо, за угол, и сразу его найдете.

– Он даст мне денег за эти монеты? Их хватит на билет?

– Думаю, да, – кивнул мужчина, неожиданно развеселившись, словно услышал хорошую шутку.

– Спасибо, – пробормотала Даглесс, забирая деньги. Может, следует позвонить сестре и забыть про монеты?

Она осмотрела каждую, но они выглядели как любая иностранная валюта.

Вздыхнув, она свернула за угол и вошла в лавчонку, на окне которой было выведено: «Оливер Сэмюелсон. Старинные монеты и медали».

За прилавком сидел лысый коротышка, на блестящем лбу которого красовалась лупа ювелира.

– Что вам угодно? – буркнул он при виде Даглесс.

– Меня послал кассир с вокзала. Он сказал, что вы дадите мне деньги на билет.

Мужчина взял монеты и стал изучать их в лупу.

– Ничего не скажешь, деньги на билет, – хмыкнул он, покачивая головой, и поднял глаза.

Даглесс, не смея дышать, уставилась на него.

– Ладно, мисс. Я дам вам по пятьсот фунтов за каждую из них, кроме вот этой. Эта стоит, скажем, пять тысяч, но у меня нет таких денег. Нужно позвонить в Лондон, там есть богатые покупатели. Не могли бы вы подождать денег хотя бы пару дней?

От изумления Даглесс лишилась дара речи.

– Пять тысяч фунтов?!

– Ну хорошо, шесть тысяч, но не шиллингом больше.

– Я... я...

– Так вы хотите продать их или нет? Надеюсь, они не краденые?

– Нет, по крайней мере я так не думаю, – прошептала Даглесс. – Но мне тоже нужно потолковать кое с кем, прежде чем я их продам. Уверены, что они подлинные?

– Средневековые монеты, как правило, не так дороги, но эти очень редкие и в прекрасном состоянии. У вас, случайно, нет еще таких?

– Собственно говоря, думаю, что есть.

Может, целый кожаный кошелек набит такими же!

Мужчина улыбался ей с таким видом, словно она была светочем его жизни.

– Если имеете монету в пятнадцать шиллингов, на которой вычеканена королева на борту корабля, умоляю, покажите. Мне она не по карману, но я уверен, что смогу найти покупателя.

Даглесс попятилась к двери.

– Или дублон. Дублон Эдуарда Шестого.

Даглесс, кивнув, выбежала из лавчонки и, словно в тумане, побрела к церкви. Незнакомца на церковном дворе не было, но она надеялась, что он еще не ушел.

Она вошла в церковь. Мужчина стоял на коленях перед белым надгробием графа: руки сложены, голова опущена в молитве.

Из тени выступил викарий и встал рядом с девушкой.

– Он молится с тех пор, как вы ушли. Я пытался заставить его встать, но не смог. Что-то глубоко тревожит этого беднягу. Он ваш друг?

– Нет, что вы! Собственно говоря, я встретила его только этим утром. Думала, он местный житель.

– Мои прихожане редко носят доспехи, – улыбнулся викарий, глядя на часы. – Я должен идти. Вы побудете с ним? По какой-то причине я не могу вынести мысли о том, что он останется один.

Даглесс согласилась посидеть с несчастным. Викарий вышел, и они остались вдвоем. Девушка осторожно подошла поближе.

– Кто вы? – прошептала она.

Он не открыл глаз, не разжал рук и не поднял головы.

– Я Николас Стаффорд, граф Торнуик.

Даглесс не сразу вспомнила, где слышала это имя. Для верности она попробовала прочитать надпись. Глубоко вырезанные буквы готического шрифта гласили: «Николас Стаффорд, граф Торнуик».

А скульптура в полный человеческий рост была облачена именно в тот костюм, который был на незнакомце. Лицо, высеченное в мраморе, было лицом незнакомца.

Мысль о том, что мужчина действительно явился из прошлого и был живым, из плоти и крови, казалась слишком невыносимой. Осознать ее было просто невозможно.

Даглесс глубоко вздохнула.

– При вас, случайно, нет удостоверения личности? – пробормотала она, пытаясь что-то придумать.

И тут мужчина наконец поднял голову и злобно воззрился на нее.

– Ты, кажется, сомневаешься в моих словах? – рассердился он. – Ты, ведьма, которая сотворила это со мной, можешь еще и сомневаться? Не опасайся я обвинения в колдовстве, сам бы донес на тебя и посмотрел, как ты горишь!

Даглесс, лишившись дара речи и окончательно растерявшись, молча наблюдала, как мужчина отвернулся и снова принялся молиться.

Глава 2

Наконец Николас Стаффорд поднялся и оглядел стоявшую перед ним молодую женщину. Ее манеры, одежда и речь казались настолько странными, что он не знал, что и думать. Выглядела она настоящей ведьмой, каковой на самом деле и была: прекраснее женщины он до сих пор не видел. Неприбранные волосы разлетались по плечам, глаза были зеленее изумрудов, а безупречная кожа – белее снега. Но она посмела нацепить непристойно короткую юбку, словно пыталась вызвать гнев как людей, так и самого Господа.

Несмотря на слабость и головокружение, он твердо держал себя в руках и достойно вернул ее прямой негодующий взгляд.

Николас до сих пор не мог поверить тому, что с ним случилось. В самые страшные минуты своей жизни, когда надежды, похоже, больше не оставалось, мать написала, что обнаружила нечто, способное вернуть уже утраченные чаяния. Он как раз сочинял ответ, пытаясь выведать необходимые сведения, когда услышал женский плач. Подобные звуки не были чем-то необычным в месте его заточения. Но что-то жалобное в этих рыданиях заставило его отложить перо.

Когда они окончательно заполнили маленькую комнату, отдаваясь эхом от стен и потолка, Николас зажал уши, чтобы сосредоточиться. Но по-прежнему слышал женщину. Рыдания становились все громче, пока не заглушили его собственные мысли. Измучившись, он положил голову на стол и отдался притяжению незнакомки.

И с этой минуты все было как во сне. Он знал, что по-прежнему сидит, положив голову на стол, и в то же время пытается встать. Когда он все-таки сумел подняться на ноги, пол, казалось, стал проваливаться. Николас стал совсем легким, невесомым и словно воспарил в воздухе. Пытаясь удержаться на месте, он вытянул руку и, к своему ужасу, заметил, что рука стала бесплотной и прозрачной. Через нее можно было видеть комнату!

Кое-как добравшись до двери, Николас попытался крикнуть, позвать стражу, но из горла не вырвалось ни звука. На его глазах дверь и комната исчезли, и на какую-то секунду Николас оказался в пустоте. Вокруг него ничего не было. Тело превратилось в тень, сквозь которую виднелась только тьма. Ничего больше.

Он понятия не имел, сколько времени дрейфовал в небытии, где не было ни холодно, ни жарко, не раздавалось никаких звуков, кроме женского плача.

Всего мгновение назад он был нигде и ничем, а в следующую секунду стоял в потоке солнечных лучей, проникавших в церковные окна. И на нем была другая одежда: тот панцирь, который он надевал только в торжественных случаях, и пышные штаны-буфы изумрудного атласа.

Прямо перед ним рядом с чьей-то могилой плакала женщина или девушка. Точнее сказать было трудно, поскольку волосы неряшливо падали на ее лицо. Она плакала так громко, погруженная в океан собственных несчастий, что даже не заметила его.

Николас рассеянно взглянул на могилу, на которой распростерлась женщина, и это зрелище заставило его отступить. Надгробие представляло собой лежавшую навзничь скульптуру, изображавшую... его самого. Внизу были выгравированы его имя и дата. Господи, неужели его похоронили заживо?!

Ужас охватил его. Чувствуя, как к горлу подступает тошнота и голова идет кругом, он оглядел церковь. В стены были вделаны памятные таблички, на которых значилось: 1734, 1812, 1902...

Нет, этого просто быть не может!

Но в церкви слишком многое изменилось. И главное – убранство. Теперь здесь все было так просто, почти убого! Голые деревянные потолочные балки, некрашенные консоли. Алтарная пелена выглядела так, словно была вышита неумелой детской рукой.

Он снова посмотрел на плачущую женщину. Ведьма. Настоящая ведьма! Именно она вызвала его в другое время и место.

Когда она наконец перестала всхлипывать и заметила его присутствие, Николас немедленно потребовал, чтобы она вернула его назад. Он должен вернуться, ибо от этого зависят его честь и будущее семьи. Но, выслушав его, она снова зашлась в беспомощном плаче.

Не слишком много времени ушло на то, чтобы обнаружить: она не только воплощенное зло, но еще и обладает дурным характером и ядовитым языком. И даже имела наглость заявить, что не понимает, как и почему он оказался в этом месте, после чего гордо покинула церковь. Николасу сразу стало легче. Он почувствовал себя лучше и даже поверил, что весь полет сквозь пустоту просто ему приснился. Может, он и сейчас спит и видит удивительно правдоподобный сон!

К тому времени, когда Николас решился выйти из церкви, силы к нему вернулись, и, к его радости, оказалось, что церковный двор выглядел как все церковные дворы. Но не остановился рассмотреть надгробные камни. Его испугало, что на одной табличке в церкви была странная дата – 1982.

Он вышел из ворот и побрел по безлюдной дороге. Куда девались все люди? А лошади? Где телеги, груженные товарами?

Последующие события произошли так быстро, что он почти ничего не запомнил. Слева послышался звук, громкий, резкий звук, никогда раньше им не слышанный. Справа внезапно возникла ведьма, бегущая куда быстрее, чем подобало женщине. Не успел Николас оглянуться, как она бросилась на него. Он был слабее, чем полагал, потому что даже такая худенькая женщина, как эта, сумела сбить его с ног.

И едва они свалились на землю, как мимо с ревом пронеслась непристойно быстрая безлошадная колесница.

Потом Николас спросил женщину и викария, одетого в длинную скромную сутану, как приличествовало его положению, что это такое было, но оба, похоже, посчитали его сумасшедшим. Он позволил ведьме увести его обратно во двор. Неужели это его судьба? Неужели ему предназначено умереть в одиночестве, в незнакомом месте и чужом времени?

Николас попытался объяснить ведьме, что та должна вернуть его обратно. В его собственную эпоху. Он объяснял, как это важно, но она упорно притворялась, будто не знает, откуда он явился. Николас с трудом понимал ее речь, и это вместе с простотой ее наряда – ни золота, ни драгоценностей, ни серебра – подсказало ему, что перед ним простолудинка. Она так странно выражалась, что Николас не сразу понял, что от него требуют денег. Да еще возмутительно огромную сумму в десять фунтов!

Но он побоялся отказать из опасения, что она вновь наведет на него злые чары.

Получив деньги, она немедленно скрылась, а Николас вернулся в церковь, медленно подошел к могиле, *его* могиле, провел пальцем по высеченной в мраморе дате своей смерти. Может, он умер, пока летел через пространство? Когда ведьма заманила его в это время – служитель церкви сказал, что сейчас тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год, на четверста двадцать четыре года вперед, – означало ли это, что она убила его сразу, в тысяча пятьсот шестьдесят четвертом?

Как заставить ее понять, что ему просто необходимо вернуться? Если он умер шестого сентября тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года, значит, ничего не сумел доказать. Это означает, что слишком многое осталось несделанным. Какие ужасы ожидали людей, которых он оставил в своем времени?

Николас бросился на колени, ощущая холод каменного пола, и стал молиться. Может, если его молитвы окажутся сильнее волшебства ведьмы, он сумеет одолеть ее чары и вернуться самостоятельно?

Но он так и не сумел сосредоточиться на молитве. В голове упорно вертелись две фразы: «Женщина – ключ ко всему. Тебе необходимо знать».

Слова молитвы куда-то подевались. Поэтому он оставил бесплодные попытки и вернулся к своим мыслям. Ведьма она или нет, эта женщина перенесла его в будущее, следовательно, только у нее есть власть вернуть его обратно. Но похоже, он абсолютно ее не интересуется. Может, она вовсе не собиралась переносить его сквозь века, а может, обладает великими силами, но не знает, как ими пользоваться.

Но в таком случае она притянула его сюда по причине, о которой оба не ведали.

Так почему же он оказался здесь? Должен ли что-то узнать? Что, если этой ведьме предстоит чему-то его научить? А вдруг она действительно невинна, как утверждает, и плакала из-за какой-то ничтожной размолвки с любовником, но по какой-то неясной случайности заманила его в это опасное время, где колесницы мчатся по дорогам с невообразимой скоростью? Если он узнает здесь все, что ему необходимо, сумеет ли вернуться в свое время?

– Ведьма – ключ ко всему, – повторял он себе.

Он должен расположить ее к себе. Не важно, какой ценой. Не важно, сколько это будет ему стоить. Не важно, если придется лгать, клеветать, богохульствовать, он должен расположить ее к себе. И сделать все, чтобы она не покинула его, пока он не обнаружит, что именно должен узнать от нее.

Николас продолжал стоять на коленях, моля Бога о помощи, прося совета и заклиная остаться с ним, пока он не завершит свою миссию и не узнает того, что должен знать.

Когда незнакомка вернулась в церковь, Николас все еще молился. И пока она говорила что-то о подаренных им деньгах, он поблагодарил Бога за ее возвращение.

Глава 3

– Кто вы на самом деле? – спросила Даглесс человека в театральном костюме. – И где раздобыли эти монеты?

Мужчина медленно поднялся, и, судя по легкости, с которой он двигался, невзирая на тяжелые доспехи, стало понятно, что он долго в них репетировал.

– Они краденые? – продолжала допытываться Даглесс и, заметив, как полыхнули его глаза, поспешно отступила. Не хватало еще, чтобы он снова прижал острие шпаги к ее горлу!

Но он, очевидно, быстро сумел взять себя в руки.

– Нет, мадам. Это мои деньги.

– Я не могу принять их, – твердо заявила Даглесс, протягивая ему монеты. – Они слишком ценные.

– Для ваших нужд такая сумма недостаточна? – мягко спросил он, слегка улыбаясь.

Даглесс ответила подозрительным взглядом. Всего несколько минут назад он набросился на нее со шпагой, а теперь улыбается, словно задумал... прямо скажем, соблазнить ее. Нет, чем скорее она уберется подальше от этого психа, тем ей будет спокойнее.

Поскольку незнакомец не потрудился взять монеты, Даглесс положила их на край надгробия.

– Спасибо, что предложили деньги, но я как-нибудь обойдусь, – пробормотала она и повернулась, чтобы уйти.

– Постойте, мадам! – громко воскликнул он. Даглесс в бессильном раздражении сжала кулаки. Псевдоелизаветинская манера этого человека выражаться высоким стилем действовала ей на нервы.

– Послушайте, – процедила она, неохотно оборачиваясь, – понимаю, что у вас полно проблем. Может, вы ударились головой и не помните, кто вы и откуда, но поймите, я тут ни при чем. У меня свои проблемы. У меня нет ни пенни. Я голодна. Никого не знаю в этой стране. Не представляю даже, где буду сегодня ночевать.

– Я тоже, – мягко напомнил мужчина, глядя на нее полными надежды глазами.

Даглесс вздохнула. И этому что-то от нее нужно. Девиз всей ее жизни. Но на этот раз она не поддастся. На этот раз она не собирается сажать себе на шею безумца, который в гневе вполне способен поднять на нее шпагу.

– Выходите из церкви, идите направо, только берегитесь машин, и через два квартала сверните налево. Увидите вокзал. Через три квартала будет лавка торговца старыми монетами. Он даст вам кучу денег за содержимое вашего кошелька. Возьмите деньги, купите себе приличную одежду и поселитесь в приличном отеле. Мисс Марпл всегда твердила, что очень немногие проблемы в жизни нельзя решить после недели жизни в хорошем отеле. Если к тому же примете долгую горячую ванну, бьюсь об заклад, ваша память тут же вернется.

Николас молча таращился на нее. На каком языке говорит эта женщина? Что такое «вокзал»? А «квартал»? И кто такая мисс Марпл?

Заметив его пустой взгляд, Даглесс вздохнула. Разве она может оставить его одного? Все равно что бросить раненого щенка посреди шоссе.

– Так и быть, – кивнула она наконец. – Пойдемте со мной к телефону, и я покажу, куда идти. Но это все. Больше вы от меня ничего не дождетесь! После этого делайте что хотите.

Николас молча последовал за ней, но замер как вкопанный, едва они оказались за воротами: слишком кошмарное зрелище открылось его глазам.

Даглесс не сразу сообразила, что незнакомец не идет за ней. Обернувшись, она увидела, как бедняга с разинутым ртом пялится на молодую девушку, стоявшую на другой стороне улицы. Девушка была одета в полном соответствии с современными идеями англичан

о шике и гламуре: во все черное. Высокие сапоги на платформе, черные колготки, почти несуществующая черная кожаная юбка и широченный черный свитер, доходивший до верха бедер. Короткие красно-фиолетовые прядки волос торчали, как иглы дикобраза.

Даглесс улыбнулась. Нынешняя панк-рок-мода была потрясением для нормальных людей. Что уж говорить о безумце, воображавшем, что он явился из шестнадцатого века!

– Пойдемте, – добродушно повторила она. – И не удивляйтесь – ничего в ней особенного нет. Видели бы вы тех, кто приходит на рок-концерты!

Они подошли к телефонной будке, и Даглесс снова показала, куда ему идти, но он продолжал стоять у будки.

– Пожалуйста, уходите, – попросила она, но он не пошевелился. Даглесс, решив игнорировать психа, подняла трубку, но тут же положила обратно и обратилась к нему: – Думаю, нам нужно кое-что выяснить. Если это английский способ снимать девочек, можете не трудиться. У меня уже есть парень. Или был. – Даглесс перевела дыхание. – То есть в моей жизни есть мужчина. Собственно говоря, именно ему я и собираюсь звонить. Уверена, что он сейчас же приедет за мной.

На эту пламенную речь незнакомец ничего не ответил. Просто продолжал стоять на месте, глядя на нее. Даглесс со вздохом попросила оператора соединить ее с отелем за счет Роберта. После секундного колебания портье сообщил, что Роберт и его дочь час назад выписались из отеля.

Даглесс повесила трубку и бессильно обмякла. Что же теперь делать?

– Что такое? – осведомился мужчина, с неподдельным интересом взирая на трубку. – Ты говорила с этим?

– Да отстаньте вы от меня! – взвилась Даглесс, беззастенчиво срывая на нем свой гнев, после чего снова обернулась, рванула к себе трубку, снова позвонила оператору и узнала номер отеля, который был следующим в списке, составленном ею для их путешествия. Портье второго отеля уведомил ее, что Роберт Уитли отказался от номера всего несколько минут назад.

Даглесс прислонилась к стенке. Глаза вновь наполнились слезами.

– Так, где же мой рыцарь без страха и упрека? – прошептала она, но, случайно взглянув на человека, стоявшего перед ней, осеклась. Лучи заходящего солнца играли на серебристом металле, на черных с синеватым отливом волосах лежала вечерняя тень, драгоценные камни, вделанные в рукоять меча, переливались всеми цветами радуги. Мужчина появился именно в тот момент, когда она рыдала, умоляя Бога о появлении благородного рыцаря, который ее спасет...

– Дурные вести? – спросил он.

– Похоже, меня подло бросили, – тихо призналась она, глядя на него.

– Я тоже, кажется, потерял все, – пробормотал он так тихо, что она едва расслышала.

О нет, только не это! На этот раз она не поспешит проявить участие!

– Здешние жители наверняка должны знать, кто вы! Может, если вы спросите на почте, кто-то объяснит вам, как попасть домой.

– Почта?

Он так искренне недоумевал, что Даглесс невольно смягчилась. И хотя уговаривала себя не вмешиваться, внезапно услышала собственный голос:

– Пойдемте. Я отведу вас к торговцу монетами и помогу обменять деньги.

Они зашагали рядом, и идеальная осанка ее спутника и манера держать себя побудили Даглесс расправить плечи. Насколько она могла судить, никто из проходивших англичан не смотрел на них, но тут им попала парочка американских туристов с детьми-подростками. На шее мужчины висели две камеры.

– Погляди-ка, Мирт! – завопил мужчина.

Взрослые невежливо уставились на Николаса. Дети, смеясь, тыкали в него пальцами. – Невоспитанные олухи, – пробурчал Николас себе под нос. – Кому-то следовало бы научить их, как вести себя в присутствии господ.

После этого действие стало разворачиваться с необычайной быстротой. В нескольких футах от них остановился автобус, откуда высыпало не менее пятидесяти японских туристов. Тут же защелкали камеры. На пленку запечатлевался каждый дюйм заброшенной английской деревушки.

При виде приближавшихся туристов Николас выхватил шпагу и выступил вперед. Американка, наблюдая за происходившим с обочины тротуара, в страхе завопила, но любопытные японцы подошли еще ближе. Камеры трещали, как цикады в жаркую летнюю ночь.

Пытаясь предотвратить неминуемое побоище, Даглесс сделала единственную уместную в этих обстоятельствах вещь: прыгнула на закованного в панцирь мужчину и что было сил завопила:

– Не надо!

К несчастью, действовала она слишком порывисто и лезвие шпаги, дрогнув в руке незнакомца, располосовало верхнюю часть рукава блузки и порезало предплечье. Растерявшись от внезапной боли, Даглесс поскользнулась и едва не упала. Но рыцарь вовремя поймал ее, подхватил на руки и отнес на тротуар. Позади по-прежнему слышался треск японских камер. Американцы заплодировали.

– Слушай, па, это еще лучше, что замок Уорвиков! – воскликнул парнишка.

– Странно, Джордж, но этого нет в путеводителе, – заметила женщина. – Думаю, им следует заносить такие вещи в путеводитель, иначе любому может показаться, что все это всерьез!

Николас поставил ведьму на ноги, со стыдом сознавая, что, кажется, повел себя как последний дурак. Неужели в этом веке позволено оскорблять аристократов? И что это за маленькие черные штуки, которые эти люди держат у глаз? Неизвестное оружие? Кстати, а кто эти маленькие желтые люди с черными штуками?

Однако он не стал ничего спрашивать: похоже, любые вопросы страшно раздражали ведьму.

– Мадам, вы ранены, – вежливо пробормотал он. Судя по его напряженному, словно осунувшемуся лицу, он искренне раскаивался в нечаянном проступке.

Ранка кровоточила и очень болела, но Даглесс решила не заострять на этом внимания.

– Это всего лишь царапина, – отмахнулась она, пародируя телевизионные вестерны. Мужчина не улыбнулся ее шутке и, казалось, еще более растерялся. – Ничего страшного, – заверила она и, хорошенько рассмотрев кровавое пятно, вынула из кармана юбки салфетку и прижала к ранке. – Лавка нумизмата вон там. Идемте.

Стоило Даглесс переступить порог, хозяин широко улыбнулся:

– Я надеялся увидеть вас снова. Я...

Тут он разглядел Николаса и осекся. Немного поколебавшись, он медленно молча вышел из-за прилавка и обошел посетителя кругом. Даглесс заметила, что он пристально присматривается к его одежде.

Сделав первый круг, он вставил в глаз лупу и снова пригляделся к панцирю.

– М-м-м-м... – мычал он себе под нос.

Николас стоял прямо, как в строю, безгловато поглядывая на Сэмюелсона, но, очевидно, не желал совершить очередной ошибки. Поэтому торговец монетами беспрепятственно исследовал драгоценные камни, которыми были украшены рукоять шпаги, перстень на руке, покоившейся на этой рукояти, и ножны кинжала за поясом незнакомца – оружия, не замеченного ранее Даглесс.

Потом Оливер Сэмюелсон, подняв лупу на лоб, опустился на колени и стал исследовать вышивку на подвязке, охватившей ногу Николаса, после чего провел пальцем по его чулкам и даже по мягким туфлям.

Но этого ему, очевидно, показалось мало, поскольку Оливер не постеснялся приглядеться к бороде и волосам Николаса. Последний выносил бесцеремонный осмотр с плохо скрытым отвращением.

По-видимому удовлетворенный осмотром, торговец наконец отступил.

– Поразительно! – объявил он. – В жизни не видел ничего подобного! Я немедленно должен привести ювелира из соседней лавки! Пусть тоже посмотрит!

– Ничего подобного ты не сделаешь! – рявкнул Николас. – Воображаешь, что я целый день буду торчать тут, пока меня осматривают, как клячу на ярмарке? Займешься делом или мне идти в другое место?

– Нет-нет, сэр, – поспешно заверил нумизмат, становясь за прилавок.

Николас уронил перед ним кошель.

– Что ты дашь мне за это? И помни, человеке, я всегда забочусь о тех, кто пытается меня надуть, – объявил он таким ледяным тоном, что несчастный Оливер съезжился от страха. Этот закованный в латы человек умеет отдавать приказания так, что любой поспешит их выполнить. У него уже ноги подкашиваются!

Николас отвернулся и отошел к окну. Торговец дрожащими руками открыл кошель. Даглесс осторожно подобралась поближе.

– Ну? – прошептала она. – Что вы увидели, когда так тщательно его осматривали?

Торговец нервно взглянул на спину Николаса и, наклонившись к Даглесс, прошептал:

– Его панцирь – из серебра поразительно высокой пробы, а в цветочные гирлянды залито золото! Изумруды на его шпаге стоят целого состояния, так же как алмазы и рубины на его пальцах. Тот, кто делал этот костюм, не пожалел никаких расходов. О господи! – ахнул торговец, поднимая монету. – Вот она!

– Королева на корабле?

– Именно, – кивнул он, нежно глядя монету. – Я могу найти покупателя, но это займет несколько дней.

Она подумала, что он говорит тоном влюбленного, которому посчастливилось найти давно потерянную возлюбленную.

Даглесс решительно взяла у него монету и спрятала вместе с остальными в кошель, оставив на виду только одну. Прежде чем продать их, следует посетить других торговцев монетами и сравнить цены.

– Вы сказали, что дадите мне пятьсот фунтов за эту.

– А другие? – пролепетал торговец почти умоляюще.

– Я... то есть мы подумаем об этом.

Торговец со вздохом удалился в глубь магазинчика, но через несколько минут вернулся и отсчитал пятьсот фунтов в больших современных английских банкнотах.

– Если вдруг надумаете, я всегда здесь, – окликнул он парочку, выходящую из лавки.

Оказавшись на улице, Даглесс вручила Николасу кошель и деньги.

– Я продала одну монету за пятьсот фунтов, но остальные можно сбыть куда дороже. Кажется, все, что на вас надето, стоит целой королевской казны.

– Я не король, а граф, – возразил Николас, с интересом рассматривая банкноты.

Даглесс, присмотревшись к панцирю, не сдержала любопытства:

– Это в самом деле серебро? А желтый металл – действительно золото?

– Я не нищий, мадам.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнула она, отступая. – А теперь мне пора.

Она вдруг поняла, что потратила почти весь день на совершенно незнакомого человека и в результате осталась без денег и приюта на ночь. В Англии у нее не было ни родных, ни знакомых, и не к кому было обратиться за помощью. Роберт с дочерью выписались из отеля и отказались от номера в следующем.

Даглесс поморщилась. Дражайшая Глория, вне всякого сомнения, не пожелала остановиться в очередном историческом отеле и провести целый день в походах по замкам и другим познавательным местам.

– Вы можете мне выбрать? – спросил Николас в конце, как она только сейчас сообщила, довольно длинной речи.

– Простите, я не расслышала.

Николас, похоже, пытался объяснить что-то, крайне для него неприятное. И теперь судорожно сглотнул, словно каждое его слово было ядом.

– Вы можете мне выбрать одежду и найти ночлег? Я заплачу за ваши услуги.

Даглесс не сразу поняла, что он имеет в виду.

– Предлагаете мне работу?

– Да, службу.

– Но мне не нужна работа. Только...

Даглесс осеклась, отвернулась и сморгнула слезы. Похоже, ее слезные каналы впадают непосредственно в Ниагарский водопад!

– Деньги? – предположил он.

– Нет. То есть да, – шмыгнула носом Даглесс. – Мне действительно необходимы деньги, но я еще должна найти Роберта и все объяснить.

Он думает, что Даглесс ударила его дочь! Неудивительно, что он так зол. Но как потактичнее объяснить человеку, что его дочь – лгунья?

– Я заплачу вам, если можете мне, – повторил Николас.

Даглесс обернулась к нему и увидела в его глазах такое одиночество и растерянность, что сердце ее невольно дрогнуло. Но она тут же взяла себя в руки. Не стоит связываться с человеком, в безумии которого ты твердо уверена. В этом нет никаких сомнений. Он, несомненно, богат, но безумен. Вероятно, состоятельный чудак, заказавший костюм специалисту по средневековой истории. В таком виде он бродит от деревни к деревне, приставая к сердобольным женщинам.

Но его глаза?! Что, если он действительно потерял память?

А кроме того, есть ли у нее выбор?

Даглесс почти слышала пренебрежительный смех Элизабет в ответ на просьбу прислать денег. Элизабет наверняка не позволит себе поступить на службу к человеку в панцире. Уж она-то, вне всякого сомнения, знает, что делать в любой ситуации, потому что Элизабет – само совершенство. Как, впрочем, и остальные сестры, Кэтрин и Энн. Собственно говоря, все Монтгомери – само совершенство... если не считать Даглесс. Она часто гадала, не перепутали ли колыбельки в родильном отделении. Может, ее настоящие родители вовсе не носят фамилию Монтгомери?!

– Ладно, – резко бросила она. – С таким же успехом можно зря потратить и остальной день. Я помогу вам купить одежду и найти ночлег, скажем... за пятьдесят долларов.

Этого будет достаточно, чтобы найти «Би-энд-би»². А завтра она наберется храбрости и снова позвонит Элизабет.

Николас проглотил нарастающий гнев и коротко кивнул. Он отлично понял если не сами слова, то их смысл. Но по крайней мере он заставил ее согласиться побыть с ним хотя

² Пансион, предоставляющий ночлег и завтрак.

бы несколько часов. Позже придется придумать что-то еще, чтобы не дать ей уйти, пока он не узнает, как вернуться в свое время. И тогда с радостью покинет эту ведьму.

– Одежда... – пробормотала та. – Мы найдем вам одежду, а потом выпьем чаю.

– Чай? Что такое «чай»?

Даглесс остановилась. Англичанин, притворяющийся, будто ничего не знает о чае? Нет, это невозможно вынести! Она поможет ему устроиться в отель и будет счастлива избавиться от этого бремени.

Глава 4

Они молча брели по широкому тротуару. Николас с детским любопытством разглядывал магазинные витрины, пешеходов, машины. На красивом лице было написано такое изумление, что Даглесс почти поверила в его полное незнание современного мира. Вопросов он не задавал, но часто приостанавливался, чтобы получше рассмотреть автомобиль или компанию девушек в коротких юбках.

Всего в квартале от лавки нумизмата был небольшой магазинчик мужской одежды.

– Здесь вы можете купить более подходящую одежду, – объявила она.

– Да, но где же портной? – нахмурился он.

– Здесь нет никакого портного. Это магазин готовой одежды.

Оказавшись в небольшом помещении, Николас замер и с раскрытым ртом уставился на рубашки и брюки, висевшие на тремпелях.

– Эта одежда уже сшита, – ахнул он.

Даглесс хотела что-то ответить, но вместо этого повернулась к продавцу, спешившему им навстречу. Маленькому худому человечку на вид было не менее девяти лет.

– Нам нужна одежда. Все. От носков до носовых платков. И пожалуйста, измерьте его.

Она решила, что даже если безумец знает свои размеры, наверняка притворится, будто понятия ни о чем не имеет.

– Разумеется, – кивнул продавец. – Сэр, если вы пройдете туда, мы все сделаем быстро.

Увидев, что продавец показывает на примерочную в глубине магазинчика, Даглесс осталась на месте. Но Николас настоял, чтобы она пошла с ним.

Даглесс уселась на стул, взяла журнал и сделала вид, будто читает. Продавец стал раздевать Николаса. Судя по тому, как тот привычно поднимал руки, подобные услуги были ему знакомы. Очевидно, ему редко приходилось раздеваться самому.

Продавец осторожно, почти благоговейно снял панцирь и положил на банкетку. Даглесс заметила, как он ласкающе провел ладонью по светлому металлу.

Под панцирем оказалась широкая полотняная, промокшая от пота рубаха.

Зато какое у него было тело! Даглесс едва не уронила журнал. Она видела доспехи в музеях и всегда удивлялась, как металл повторял очертания мускулистого торса. Ей казалось, что это делается только для того, чтобы скрыть толстое брюхо. Но этот человек, Николас Стаффорд, действительно был широкоплечим и мускулистым, без намека на животик.

Даглесс всячески пыталась сосредоточиться на журнале, вчитаться в статью, описывающую радости ловли семги, но постоянно поглядывала на полуголого Николаса. Продавец приносил одну сорочку за другой, но ни одна не нравилась графу. После пятнадцатой бедняга умоляюще воззрился на Даглесс. Та отложила журнал и подошла к Николасу, стараясь смотреть исключительно в его лицо.

– Что не так? – коротко спросила она.

Он отошел от продавца, который принялся хлопотливо складывать одежду.

– В этом облачении нет красоты, – хмуро признался Николас. – Ни ярких цветов, ни драгоценностей и вышивки. Может, какая-нибудь женщина согласится поработать иглой над этими...

Даглесс улыбнулась:

– В наше время женщины не шьют. И не вышивают. По крайней мере, вот так. – Она коснулась манжеты его полотняной сорочки, небрежно брошенной на банкетку. На манжете черным шелком был вышит узор из птиц и цветов. Край был тщательно заделан.

Даглесс порылась в куче отвергнутых сорочек и вытащила одну, из стопроцентного хлопка и, на ее взгляд, очень красивую. Англичанам в отличие от американцев не требова-

лось нечто новое каждые пять минут, поэтому английская одежда всегда отличалась высоким качеством и не снашивалась годами. Если кому-то были по карману совершенно возмутительные цены, оно того стоило.

– Вот, померьте эту еще раз, – попросила она, пытаясь уговорить упряма. Интересно, есть ли на свете женщина, которая, делая покупки с мужчиной, не произносила чего-то подобного? – Взгляните на эту ткань. Видите, какая она мягкая!

Она поднесла ему сорочку, и Николас с явной неохотой просунул руки в рукава. Девушка изо всех сил старалась не смотреть, как играют под кожей его мышцы.

Рубашка сидела на нем изумительно!

– А теперь, – велела она, – подойдите к зеркалу и взгляните на себя.

Она заметила высокий трельяж, когда входила в примерочную, но ей и в голову не пришло, что Николас не обратит на него внимания. И поэтому не ожидала такой реакции. Сначала он просто смотрелся в зеркало, потом протянул руку и коснулся гладкой поверхности.

– Это стекло? – прошептал он.

– Конечно. Из чего, по-вашему, делаются зеркала?

Откуда-то из глубин своих шаровар он извлек маленький круглый деревянный предмет и протянул ей. В деревянную рамку был вделан отполированный до блеска кусок металла. Даглесс взглянула в древнее зеркало и увидела свое искаженное изображение.

Николас как зачарованный изучал себя в зеркале. Неужели он действительно впервые в жизни видел себя в полный рост, а до этих пор гляделся в крошечные, искажающие вид зеркальца, подобные тому, которое держала она?

Ну разумеется, нет! Он скорее всего не помнит, когда в последний раз видел зеркало. А может, просто дурака валяет.

Подняв глаза, она поймала собственное отражение в зеркале. Господи, ну и чучело! Она так долго плакала, что даже дорогая тушь не выдержала, и под глазами красовались огромные черные круги, а щеки были в темных потеках! Блузка выбилась из-за пояса, на рукаве – длинный разрез, запачканный кровью. Синие колготки сбились на щиколотках. Что уж говорить о волосах, спутанных и уныло обвисших неряшливыми прядями!

Отвернувшись от неприятного зрелища, Даглесс пробормотала:

– Брюки.

На этот раз она вышла из примерочной, пока продавец обмерял Николаса. Немного погодя двери магазина открылись, и на пороге появились новые покупатели. Продавец поспешно вручил Николасу несколько пар брюк и занялся вновь пришедшими. Через минуту дверь примерочной чуть приоткрылась, и оттуда выглянул Николас, явно искавший помощи у Даглесс. Та подошла к нему.

– Я ничего не понимаю, – тихо признался он. – Что это за застежки?

Даглесс постаралась не думать об этой ситуации. Но как не думать, когда она осталась в примерочной наедине с безумцем, который даже молнию на брюках не способен застегнуть!

– Вот, смотрите, – начала она, решив застегнуть брюки, бывшие на нем, но тут же передумала. Взяв висевшую на крючке другую пару, она подцепила язычок и потянула вверх, после чего застегнула крючки. Николас, обрадовавшись, как ребенок, принялся тянуть молнию вверх и вниз, застегивать и расстегивать крючки. Уверившись, что он все понял, она шагнула к выходу.

– Погодите. Что это за чудесная субстанция? – осведомился он, поднимая трусы и растягивая резинку.

– Это эластик, – коротко пояснила она.

– Элистик, – повторил он, коверкая слово. Но лицо его так сияло, что она не могла не улыбнуться.

– Это еще что, – отмахнулась она. – Посмотрим, что вы скажете, когда увидите «липучку»! А сейчас одевайтесь. Если понадобится помощь, дайте мне знать.

По-прежнему улыбаясь, она закрыла за собой дверь примерочной и оглядела висевшую на вешалках одежду. Какой уродливой она должна казаться человеку, привыкшему носить серебряный панцирь!

Пока они были в примерочной, продавец уложил панцирь, шпагу и кинжал в два больших двойных пакета, которые поставил слева от двери. Даглесс попробовала их поднять, но едва не уронила: тяжесть была невероятной.

Наконец из примерочной показался Николас в мягкой белой сорочке и прямых серых хлопковых брюках. Рубашка по нынешней моде была довольно широкой, а брюки облегали бедра. Выглядел он просто божественно. Но сам Николас, по-видимому, так не считал, потому что, остановившись перед зеркалом, принялся яростно дергать штанину.

– Эти... эти... – бормотал он.

– Брюки. Штаны, – пояснила она, все еще не в силах свыкнуться с его необычной внешностью.

– Они мне не подходят! Ноги не видны, а у меня, что ни говори, прекрасные ноги!

Даглесс рассмеялась и мгновенно пришла в себя.

– В наше время мужчины не носят чулки, но, даю слово, вы потрясающе выглядите!

– Не уверен, – нахмурился он. – Может, хотя бы цепь...

– Никакой цепи, – покачала она головой. – Доверьтесь мне.

Она сама выбрала ему кожаный ремень и носки.

– За туфлями придется идти в другой магазин.

Ощущая, что сегодняшних добрых дел ей хватит на целый год, Даглесс совершенно не предвидела взрыва негодования у кассы. Маленький продавец собрал срезанные с одежды ярлычки, подсчитал стоимость и назвал цену. Даглесс потеряла дар речи, когда Николас завопил:

– За это ты лишишься головы, вор!

Не успела она оглянуться, как он потянулся к шпаге, которая, к счастью, лежала в пакете у ног Даглесс.

– Он решил ограбить меня! – гремел Николас. – Я могу нанять дюжину воинов за половину того, что он спросил с меня за эти простые одеяния!

Даглесс одним прыжком оказалась между Николасом и прилавком, а бедный коротышка тем временем успел испуганно прижаться к стене.

– Дайте мне деньги, – твердо велела она. – Теперь все стоит гораздо дороже тех цен, к которым вы привыкли. То есть... – Она скрипнула зубами и, сжав кулаки, продолжала: – Я хочу сказать, вы скоро вспомните, что сколько стоит. А теперь дайте мне деньги.

Все еще не остывший, Николас протянул ей кошель.

– Нет, – покачала она головой, – другие деньги. Современные.

Но Николас, похоже, не понимал, о чем она говорит. Пришлось шарить в пакетах с оружием и доспехами, пока она не нашла английские фунты.

– Он возьмет бумагу за одежду? – прошептал Николас, пока Даглесс отсчитывала деньги, и, улыбнувшись, предложил: – Я дам ему всю бумагу, которую он попросит. Что за глупец!

– Это бумажные *деньги*, – пояснила она, когда они вышли из магазина. – И вы всегда можете обменять бумагу на золото.

– Кто-то даст мне золото за бумагу? – не поверил он.

– Да, есть люди, торгующие золотом. И некоторые банки продают золото.

– В таком случае почему вы не обмениваете его на товары?

– Полагаю, оно слишком тяжелое, – вздохнула Даглесс. – Нужно класть деньги в банк, по крайней мере те, которые вам сейчас не понадобятся, и пользоваться бумажными банкнотами вместо золота. А где вы храните свои деньги?

– В моих домах, – хмуро пояснил он, все еще пытаясь понять сказанное ею.

– Понятно, – улыбнулась девушка. – Полагаю, вы роете ямку и там прячете золото. Но в наше время деньги держат в банках, где они приносят проценты.

– Что такое «проценты»?

Даглесс застонала. Нет, с нее довольно!

– А вот и чайная. Вы голодны?

– Очень, – признался он, открывая перед ней дверь.

Английский обычай пятичасового чая был традицией, которую Даглесс полюбила всей душой. Какое это счастье – пить из тонких фарфоровых чашек восхитительно горячий чай с булочкой! Или с пятью булочками, как это обычно делала Глория.

Даглесс брезгливо поморщилась. Как всегда при мысли о Глории, кулаки непроизвольно сжались. Интересно, знает ли Роберт, что девчонка стащила у нее сумочку? Знает ли Роберт, что оставил Даглесс без единого пенни да еще и в руках безумца? И откуда Глории известно, что Даглесс ожидала получить обручальное кольцо? Даглесс ни за что не поверит, что Роберт способен делиться с Глорией подобными тайнами. Может, она сама сказала что-то такое, что позволило Глории обо всем догадаться?

Невозможно поверить и в то, что он вместе с дочерью смеялся над Даглесс за ее спиной. Роберт – неплохой человек, иначе не любил бы так сильно Глорию. Он не из тех, кто уходит из семьи, не оглядываясь и мгновенно забывая о детях. Нет, Роберт постоянно мучился из-за того, что после развода девочка осталась с матерью, и отчаянно хотел загладить свою вину. Поэтому и взял Глорию с собой в Англию. И вполне естественно, что девочка борется за любовь отца, не так ли? Как и вполне естественна ревность ребенка к женщине, которую любит отец!

Даглесс поняла, что, если бы в этот момент здесь появился Роберт, она упала бы на колени, моля о прощении.

– Чем могу помочь? – спросила женщина за прилавком.

– Чай на двоих, – попросила Даглесс. – И две булочки, пожалуйста.

– У нас еще есть взбитые сливки и земляника, – сообщила женщина.

Даглесс рассеянно кивнула, и женщина немедленно подвинула ей поднос с чайником крепкого чая, чашками и тарелками с едой. Даглесс заплатила, подняла поднос и взглянула на Николаса:

– Может, поедим на свежем воздухе?

Он последовал за ней в маленький садик, окруженный стенами, по которым вился плющ. Пухлые старомодные розы наполняли воздух благоуханием. Даглесс молча поставила поднос и стала разливать чай. Во время прежних поездок в Англию мать считала ее слишком маленькой, чтобы пить чай, но в первые же дни этого путешествия она по английскому обычаю стала добавлять в чай молоко и находила вкус великолепным. Молоко охлаждало чай и заглушало терпкий вкус танина.

Николас бродил по садику, изучая стены и растения. Она позвала его за садовый столик и подала чашку и булочку. Он нерешительно взглянул на чашку, осторожно пригубил и уставился на Даглесс с такой неприкрытой радостью, что она засмеялась. Николас немедленно осушил чашку, и Даглесс налила ему другую. Он повертел в руках булочку, очень похожую на те бисквиты, что пекут на юге Америки, только здесь в тесто добавляли сахар и изюм.

Она взяла у него булочку, разломала и намазала толстым слоем густых взбитых сливок. Он немедленно откусил большой кусок, прожевал и блаженно вздохнул с видом человека, только что обретшего любовь всей своей жизни.

Всего каких-то несколько минут – и чай был выпит, а булочки съедены. Пожурив его за обжорство, Даглесс тем не менее вернулась в чайную и повторила заказ, после чего снова отнесла поднос в садик и принялась за еду, пока Николас, развалясь на стуле, прихлебывал чай и изучал ее.

– Почему ты плакала в церкви? – неожиданно выпалил он.

– Я... по-моему, это вас не касается.

– Если мне придется вернуться... а я должен вернуться, – следует знать, что именно заманило меня сюда.

Даглесс отложила недоеденную булочку.

– Надеюсь, вы не собираетесь начать все сначала? Знаете, что я думаю? Я думаю, что вы ученый, специализирующийся по истории елизаветинской эры, возможно, даже на уровне доктора философии, но чересчур увлеклись своими исследованиями. Отец утверждал, что и с ним такое бывало. Однажды он так начитался средневековых рукописей, что не смог разобрать современный шрифт.

Николас с отвращением уставился на нее.

– Несмотря на все чудеса в виде безлошадных повозок, блестящего стекла и огромного разнообразия товаров, ты совсем не веришь в тайну и волшебство мира, – тихо ответил он. – Но я не сомневаюсь в том, что произошло со мной, и отлично знаю, откуда явился. А вот ты, ведьма...

Даглесс, не дослушав, немедленно вскочила и вышла из-за стола. Но он перехватил ее, прежде чем она успела добраться до двери, и больно впился пальцами в ее плечо.

– Почему ты плакала, когда я впервые тебя увидел? Что может заставить женщину так отчаянно рыдать? – бесцеремонно допытывался он.

Даглесс рывком освободилась из стальной хватки.

– Плакала, потому что меня только что бросили! – резко сказала она и, к собственному стыду, снова разрыдалась.

Николас осторожно положил ее руку на сгиб своего локтя и повел к столу. На этот раз он сел рядом, налил Даглесс чая, добавил молока и протянул красивую фарфоровую чашку.

– А теперь, мадам, вы должны сказать, что терзает вас так сильно, что слезы льются, как горный водопад.

Даглесс вовсе не хотела ни с кем откровенничать. Но потребность поделиться своими бедами оказалась сильнее гордости, и, не успев оглянуться, она уже выкладывала свою историю.

– Этот мужчина оставил тебя одну? Без слуг и присмотра? – возмущенно ахнул Николас. – На милость воров и разбойников?

Даглесс, кивнув, высморкалась в бумажную салфетку.

– И на милость человека, уверенного, что пришел из шестнадцатого века. О, извините, – добавила она.

Николас, будто не слыша, поднялся и принялся мерить шагами сад. Здесь было еще четыре столика, но ни одного посетителя, кроме них.

– Ты встала на колени перед надгробием и попросила... – Он осекся и взглянул на нее.

– О благородном рыцаре без страха и упрека. Рыцаре в сверкающих доспехах. Так говорят у нас в Америке, когда... когда имеют в виду человека, который захочет спасти попавшую в беду девушку.

Пряча улыбку в усах и бороде, Николас заметил:

– Но когда ты позвала меня, я был одет по-другому. На мне не было доспехов.

– Я не звала вас, – свирепо прошипела она. – Вполне естественно плакать от обиды, если тебя покинули, в церкви, тем более когда жирное отродье крадет твою сумочку. У меня

даже паспорта не осталось! Даже если родные вышлют мне деньги на обратный путь, я не могу улететь сразу! Придется обратиться в американское посольство за другим паспортом!

– Я тоже не могу вернуться домой! – воскликнул он, снова принимаясь мерить шагами сад. – В этом у нас много общего. Но ты позвала меня сюда, значит, должна вернуть обратно.

– Я не ведьма! – почти взвизгнула она. – Не практикую черную магию и, уж конечно, не знаю, как отсылать людей в прошлое! Вы просто придумали все это!

Николас насмешливо поднял брови:

– Не сомневаюсь, что у твоего возлюбленного были веские основания покинуть тебя. Да и кто бы хотел терпеть столь злобный характер!

– Мой характер трудно назвать злобным. И я никогда не устраивала Роберту сцен. Может, иногда теряла терпение, но это вполне естественно, потому что я его любила. То есть люблю. И мне не следовало так часто жаловаться ему на Глорию. Просто ее вранье постоянно действовало мне на нервы.

– И ты любишь человека, бросившего тебя, человека, позволившего дочери обокрасть тебя?

– Сомневаюсь, что Роберт знает о выходке Глории. Кроме того, она еще совсем ребенок. И возможно, сама не поняла, что наделала. Мне просто хочется найти их, чтобы получить свой паспорт обратно и вернуться домой.

– Похоже, цели у нас одинаковые, – пробормотал он, впиваясь в нее взглядом.

И тут она поняла, к чему он ведет! Хочет, чтобы она продолжала помогать ему. Не хватало ей еще повесить себе на шею больного амнезией!

Даглесс поставила пустую чашку.

– Вы не совсем правы. Может, цели и одинаковы, но не настолько, чтобы мы могли провести следующие несколько дней вместе, пока вы не вспомните, что живете в Нью-Джерси с женой и тремя ребятишками и что каждое лето приезжаете в Англию, надеваете древние доспехи и затеваете маленькие сексуальные игры с очередной наивной туристочкой. Нет уж, спасибо огромное, но, по-моему, у нас был уговор. Я нахожу вам одежду и ночлег, а потом с чистой совестью могу уйти.

Николас рассерженно покраснел, так что даже борода не смогла скрыть густого румянца.

– Неужели все женщины вашего времени именно таковы?

– Нет, только те, которым безжалостно ранили душу, и не один раз, – парировала она. – Если вы действительно потеряли память, следует обратиться к доктору, а не снимать женщин в церкви. А если все это притворство, доктор вам тем более необходим. Так или иначе, не я вам нужна.

Она составила посуду на поднос, собираясь нести все обратно, но он стоял между ней и дверью.

– Какую выгоду я получу, если скажу правду? Неужели не веришь, что твои слезы могли призвать меня из другого места и времени?

– Конечно, не верю, – покачала головой Даглесс. – Существует тысяча объяснений, почему вы считаете себя пришельцем из шестнадцатого века, но ни одно из них не имеет ничего общего с колдовством. И уж тем более я не ведьма! А теперь прошу меня простить. Мне нужно отнести это, а потом найти вам номер в отеле.

Он отступил в сторону, давая Даглесс дорогу, и последовал за ней на улицу. При этом он не поднимал головы, словно обдумывая какую-то сложную проблему.

Даглесс спросила владелицу чайной, где находится ближайший «Би-энд-би», и они медленно побрели по тротуару. Ее волновало, что он молчит и даже не оглядывается. Казалось, его больше ничего не интересует в том времени, где он так неожиданно очутился.

– Вам нравится ваша одежда? – спросила она, пытаясь завязать разговор. Он нес пакеты с доспехами, оружием и прежней одеждой.

Николас, не ответив, с хмурым видом продолжал идти дальше.

В пансионе оказалась свободной только одна комната, и Даглесс принялась заполнять карточку.

– По-прежнему настаиваете, что вы Николас Стаффорд? – осведомилась она.

Женщина за маленькой стойкой улыбнулась.

– О, совсем как в церкви! – удивилась она и, взяв со стенда открытку с видом надгробия, бросила на нее рассеянный взгляд. – Да вы и похожи на него, только выглядите немного живее, – засмеялась она собственной шутке. – Первая дверь направо. Ванна дальше по коридору.

Все еще смеясь, она оставила их одних в холле.

Повернувшись к Николасу, Даглесс неожиданно почувствовала себя матерью, бросающей свое дитя.

– Скоро вы все вспомните, – утешила она. – А эта добрая леди подскажет, где пообедать.

– Леди? – переспросил он. – И обед в такой час?

– Ладно-ладно, – раздраженно вздохнула она. – Женщина. И не обед, а ужин. Бьюсь об заклад, что, хорошо выспавшись, вы все вспомните.

– Я ничего не забыл, мадам, – сухо отрезал он, но, тут же смягчившись, добавил: – И вы не можете уйти. Только вы способны вернуть меня в мое время.

– Эй, полегче! – вскинулась Даглесс. Неужели он не понимает, что у нее могут быть свои дела! Не может же она все бросить, чтобы помочь этому незнакомцу! – Если вы дадите мне пятьдесят долларов, о которых мы договаривались, я пойду.

К своему ужасу, она сообразила, что пятьдесят долларов – это всего тридцать фунтов. Комната в пансионе стоила сорок. Но уговор есть уговор.

– Если вы отдадите мне тридцать фунтов, я уйду.

Он продолжал стоять неподвижно. Тогда она порылась в пакетах и нашла бумажные деньги. Отсчитала тридцать фунтов и отдала ему остальное.

– Завтра можете отнести монеты к торговцу, и он даст вам много современных денег, – объяснила она. – Удачи.

И, в последний раз взглянув в печальные синие глаза, она повернулась и вышла.

На душе становилось все тяжелее. Никакого облегчения от того, что она наконец избавилась от этого человека. Почему ей кажется, будто она что-то потеряла?!

Даглесс заставила себя распрямить плечи и гордо вскинуть голову. Уже темнело, и нужно еще найти место по-дешевле, где можно будет приклонить голову. А уж потом решать, что делать дальше.

Глава 5

Войдя в комнату, где должен был провести ночь, Николас в ужасе отступил. Номер был маленький, с двумя узкими, жесткими даже на вид кроватями, без балдахинов и занавесей. Стены были расписаны мелкими голубыми цветочками. По здравом размышлении Николас решил, что бордюры и узоры покрупнее значительно скрасили бы обстановку.

Правда, в окно было вставлено чудесное, гладкое стекло, а по бокам висели занавески из цветной ткани. На стенах красовались картины в рамках, и, коснувшись одной, он ощутил под пальцами стекло, абсолютно прозрачное и почти невидимое. Одна из картин была весьма фривольного содержания: две обнаженные женщины, сидящие на покрывале рядом с двумя полностью одетыми мужчинами. Нет, не то чтобы Николасу картина не понравилась: просто немыслимо, чтобы такая постыдная штука выставлялась всем напоказ.

Он повернул картину лицом к стене.

Маленькая дверь открывалась в шкаф для белья. Полоч там не было – только круглая палка, идущая от одной боковины до другой. На ней болтались такие же металлические штуки, на которых висела одежда в магазине. В комнате был еще один шкафчик, каких он раньше никогда не видел. В нем было полно ящичков!

Как ни старался Николас, верхушка шкафчика не поднималась. Он стал выдвигать ящички, удивляясь, как легко они ходят в пазах.

Немного погодя он поискал ночной горшок, но его нигде не было. Наконец он спустился вниз и вышел на задний двор, где долго и безуспешно обходил каждый угол в поисках туалета.

– Неужели все настолько изменилось за четыреста лет? – промямлил он, облегчаясь в розовые кусты. И хотя с молнией и крючками пришлось повозиться, но в конце концов все получилось. – Я вполне обойдусь и без ведьмы, – сказал он себе, возвращаясь в дом. Может, завтра он проснется и поймет, что это был всего лишь сон. Долгий, дурной сон.

Внизу никого не было, поэтому Николас заглянул в комнату с открытой дверью. Мебель в ней была целиком затянута тонкой вязаной тканью. Ни кусочка дерева на виду!

Николас присел на стул и словно погрузился в мягкое облако. На минуту закрыл глаза и подумал о матери и ее старых хрупких костях. Как бы она была счастлива сидеть на подобном стуле!

У одной стены стояли высокий деревянный письменный стол с табуретом. Николасу он показался знакомым. Рассматривая стол, он заметил петли и поднял крышку. Это оказался не стол, а что-то вроде клавесина. Но, коснувшись клавишей, он услышал совсем другие, более сильные и глубокие звуки. Ничего похожего на слабенькое бречание, которое издавал клавесин. На крышке лежали ноты, которые тоже показались знакомыми. Николас сел на табурет, пробежал пальцами по клавишам, чтобы свыкнуться с непривычным тембром, и, сначала неуклюже, а потом все увереннее, стал играть.

– Прекрасно! Это было прекрасно!

Обернувшись, он увидел стоявшую позади хозяйку.

– «Лунная река» всегда была моей любимой мелодией. Как насчет регтайма?

Порывшись в ящичке маленького столика, на котором стояло растение странного вида, она вынула другие ноты.

– Это американская музыка. Мой муж был американцем.

Совершенно необычная мелодия какого-то Стинга сначала не давалась Николасу. Он не сразу сумел ее сыграть, но, как только схватил ритм, все пошло как по маслу.

– О господи, до чего же хорошо! – воскликнула женщина. – Да вы можете получить работу в любом пабе.

– Ах да, в таверне. Я подумаю, – улыбнулся Николас, вставая. – Мне вполне может понадобиться работа.

Голова внезапно закружилась, и Николас поспешно схватился за спинку стула.

– С вами все в порядке?

– Просто устал, – пробормотал Николас.

– Путешествия всегда изматывают. Вы издалека?

– О да. В нескольких столетиях отсюда.

– Я тоже так себя чувствую, когда устаю, – кивнула женщина. – Вам лучше подняться к себе и прилечь перед ужином.

– Вы правы, – тихо сказал Николас, направляясь к лестнице. Может, завтра он сумеет более связно поразмыслить о том, как вернуться домой. Или проснется в собственной постели, обнаружит, что все кончилось. Кончится не только ужас двадцатого века, но и кошмар, в котором он оказался, когда в последний раз был дома.

Добравшись до своего номера, он медленно разделся и повесил одежду так, как видел в магазине. Интересно, где сейчас ведьма? Вернулась в объятия своего любовника? Она достаточно могущественна, чтобы призвать его сюда через четыре столетия, так что, несомненно, сумеет заманить сбежавшего беднягу, тем более что между ними всего несколько миль.

Обнаженный Николас забрался в постель, лег на поразительно гладкие простыни, пахнувшие чистотой и свежестью, и укрылся не несколькими тяжелыми покрывалами, а одним пухлым, мягким и легким одеялом.

«Завтра», – подумал он, устало закрывая глаза. Завтра он будет дома.

Уснул Николас мгновенно и спал так крепко, как никогда раньше. И не услышал, как небеса разверзлись и пошел дождь.

Он сам не понял, что его разбудило. Должно быть, какой-то сон, от которого он стал лихорадочно метаться по постели.

Николас с трудом приподнялся и сел. В комнате было так темно, что сначала он не понял, где находится. Но стук дождя по крыше постепенно вернул ему память. Он пошарил на тумбочке в поисках свечи и огнива, но ничего не нашел.

– Да что это за место такое?! – воскликнул он. – Ни горшка, ни туалетов, ни свечей!

Продолжая ворчать, он резко повернул голову и прислушался. Кто-то звал его! Только голос. Ни единого слова. Он не разбирал своего имени, но в голосе ощущались отчаяние и мольба.

Конечно, это ведьма.

Николас поморщился. Может, в этот момент она нагнулась над котлом со змеиными глазами, бормоча проклятия и шепча его имя?

Ощувив притяжение ее зова, Николас понял, что нет смысла бороться. Он знал это так же ясно, как жил и дышал.

С огромной неохотой покинув теплую постель, он осознал, что перед ним стоит нелегкая задача: одеться в странные современные одеяния. Застегивая молнию, он обнаружил, что некоторые весьма чувствительные части тела так и норовят попасть в крошечные металлические зубы. Сыпля проклятиями, он натянул тонкую сорочку и ошупью выбрался из темной комнаты.

К его облегчению, в коридоре был свет. На стене висел закрытый стеклом факел, но огня не было видно. Станный светильник был заключен в круглый стеклянный шар. Ему хотелось получше рассмотреть новое чудо, но в окне сверкнула молния, и ужасающий раскат грома потряс дом. А вместе с громом еще отчетливее послышался зов.

Николас спустился вниз, прошел по пушистым коврам и оказался за дверью под проливным дождем.

Прикрывая лицо руками, он умудрился поднять глаза и увидел, что высоко над головой на длинных шестах висели такие же светильники, не гаснувшие под потоками воды. Вздрагивая от холода, мгновенно промокший насквозь Николас сунул нос в воротник. Эти современные одежды ни от чего не защищают! До чего, должно быть, крепки нынешние люди, если выживают при такой погоде без защиты от дождя!

Сражаясь с ветром, он шел по незнакомым улицам. Несколько раз он слышал странные звуки и тянулся за оружием, а потом проклинал себя за то, что забыл шпагу. Завтра он продаст еще несколько монет и наймет стражников для охраны. Кроме того, он вынудит женщину сказать ему правду о том, что она сделала, дабы заманить его в это странное место.

Одна улица сменяла другую. Несколько раз он свернул не туда. Потом остановился и прислушивался, пока снова не услышал плач, эхом отдававшийся в голове. Повинуясь зову, он оставил улицы с факелами на шестах, перешел границу деревни и очутился во мраке пустынной сельской местности. Несколько минут он шагал по дороге, прежде чем снова остановиться, прислушаться и стряхнуть дождевые капли с лица. Наконец Николас свернул направо и пересек поле. Перед ним вырос забор. Николас перебрался на другую сторону и продолжал идти, пока не уперся в маленький сарай. И почему-то сразу понял, что нашел ее.

Едва он распахнул дверь, как очередная вспышка молнии осветила внутренность сарая. Промокшая, дрожащая от озноба девушка свернулась клубочком на охапке грязной соломы, безуспешно пытаясь согреться. И при этом горько плакала.

– Итак, мадам, – процедил Николас сквозь зубы, – вы ухитрились выманить меня из теплой постели. Что вам нужно от меня сейчас?

– Убирайтесь, – всхлипнула она. – Оставьте меня в покое!

Николас невольно восхитился ее стойкостью и гордостью. Ее зубы стучали так громко, что заглушали шум дождя: очевидно, она совсем замерзла.

Николас тяжело вздохнул, поняв, что зря злился. Будь она такой могущественной ведьмой, наверняка сумела бы наколдовать себе уютный ночлег.

Николас ступил в сарай с протекающей крышей, нагнулся и подхватил ее на руки.

– Не знаю, кто из нас более беспомощен, ты или я, – покачал он головой.

– Отпустите меня! – вскрикнула она, но сопротивляться не стала, положила голову ему на плечо и заплакала еще сильнее. – Я не смогла найти дешевую гостиницу. В Англии все так дорого, и я понятия не имею, где Роберт, и теперь придется позвонить Элизабет, а она посмеется надо мной, – выпалила она единым духом, хотя язык ворочался с трудом.

Николасу пришлось потрудиться, чтобы перелезть через забор с ведьмой на руках, но под конец все получилось. Он продолжал идти, а Даглесс продолжала плакать, обняв его за шею.

– Я везде чужая, – жаловалась она. – У меня идеальная семья, только я – черная овца. Все женщины нашей семьи вышли замуж за чудесных мужчин, только мне в жизни такие не встречались. Роберт казался мне прекрасной партией, но я не смогла его удержать. О, Ник, что мне теперь делать?

К этому времени они покинули поля и вновь оказались на мощеной дороге.

– Прежде всего, мадам, вам не стоит так меня называть. Я вовсе не Ник. Николас – да, Колин – возможно, только не Ник. А теперь, поскольку сама судьба нас свела, могу я узнать ваше имя?

– Даглесс, – прошептала она, прильнув к нему. – Даглесс Монтгомери.

– Что ж, хорошее, разумное имя.

Даглесс шмыгнула носом и на минуту перестала плакать.

– Мой отец преподает историю Средних веков и назвал меня в честь Даглесс Шеффилд. Знаете, той женщины, которая родила незаконного ребенка от графа Лестера.

– Она... что?! – осведомился Николас, остановившись.

Даглесс отстранилась и удивленно уставилась на него.

Дождь сменился легкой моросью, и лунного света оказалось достаточно, чтобы увидеть выражение его лица.

– Она родила ребенка графу Лестеру, – пролепетала девушка.

Николас немедленно поставил ее на ноги и окинул злобным взглядом. С волос обоих ручьями лилась вода.

– Кто такой граф Лестер?

Похоже, ему надоело притворяться!

Даглесс мило улыбнулась:

– Не стоило ли вам сделать вид, будто знаете его? – Не дождавшись ответа, она пояснила: – Граф Лестер сначала был Робертом Дадли, мужчиной, который так любил королеву Елизавету.

Лицо Николааса исказилось от ярости. Круто развернувшись, он зашагал прочь.

– Дадли – предатели и все до одного окончили жизнь на плахе! – бросил он через плечо. – А королева Елизавета должна выйти замуж за испанского короля. Заверяю, она не выйдет за Дадли!

– Тут вы правы. Но она не выйдет ни за Дадли, ни за короля Испании! – крикнула Даглесс и побежала следом, но, как назло, нога подвернулась, и девушка с воплем боли упала на асфальт, оцарапав коленки и локти.

Николас рассерженно обернулся.

– Женщина, от тебя не дождешься ничего, кроме неприятностей. Да ты и есть одна сплошная чертова неприятность! – рявкнул он, снова подхватив ее на руки. Даглесс попыталась что-то ответить, но, когда он велел ей молчать, она снова положила голову на его плечо и прикрыла глаза.

Он донес ее до пансиона, где остановился, и, открыв дверь, увидел хозяйку, сидевшую на стуле и явно ожидавшую постояльца.

– Вот и вы! – с облегчением воскликнула она. – Я слышала, как вы уходите, и сразу поняла: что-то неладно. Ах вы, бедняжки! Совершенно измучены! Почему бы вам не отнести ее наверх? И, пока она лежит в славной горячей ванне, я заварю вам чай и сделаю сэндвичи. Кстати, мистер, я приносила вам ужин, но вы не ответили на стук. Вы, должно быть, спали.

Николас кивнул и стал подниматься наверх с Даглесс на руках. При этом он ухитрился напрочь игнорировать ее. Хозяйка привела их в комнату, которую Николай не видел раньше. Здесь стояли белые обливные сосуды различного размера. Один напоминал корыто. Должно быть, это и есть ванна. Но нигде не видно ни ведер с горячей водой, ни горничных. Кто же наполнит эту большую ванну?

Он едва не уронил женщину, которую держал на руках, когда хозяйка повернула какую-то штуку над ванной и оттуда хлынула вода. Фонтан в доме?!

Николас потрясенно вытаращился на непонятное явление.

– Через минуту нагреется, – пообещала хозяйка. – Ее нужно раздеть и уложить в ванну. А я немедленно сбегу за чистыми полотенцами. Кстати, судя по виду, вам тоже не помешает ванна, – заметила она с порога.

Николас понял достаточно, чтобы обдумать весьма привлекательную идею, и с интересом оглядел Даглесс.

– Даже не мечтайте! – предупредила та. – Пока я принимаю ванну, подождете у себя в номере.

Николас, улыбнувшись, поставил ее на ноги и огляделся.

– Что это за помещение?

– Ванная.

– Я вижу лохань, но как насчет этого предмета? И этого?

Даглесс сразу забыла, что стоит перед ним в мокрой одежде. Она думала, что он разоблачил себя, когда притворился, что почти ничего не знает о Роберте Дадли, но вскоре поняла, что ошиблась. Конечно, нужно справиться у отца насчет дат, но она и без этого знала, что в 1564-м, в том году, из которого явился мужчина, Роберт Дадли еще не был графом Лестером.

И вот теперь этот же мужчина в льнувшей к великолепному телу одежде спрашивал у нее, что такое унитаз и раковина. Она едва удержалась, чтобы не спросить, чем он пользовался, когда не знал, где находится туалет. Ну разумеется, он все знал. Должно быть, усердная учеба окончательно расстроила его мозги.

Она объяснила назначение раковины, после чего с багровым от смущения лицом сказала про унитаз и подняла и опустила крышку.

– И никогда, никогда не оставляйте крышку поднятой, – велела она, чувствуя себя так, словно, обучая единственного мужчину этой простой вещи, действует от лица всех женщин.

Но тут вернулась хозяйка с полотенцами и цветастым хлопковым халатом.

– Я заметила, что у вас не так много багажа, – начала она, явно намекая на то, что хотела бы знать, почему у парочки совсем нет вещей. – Обычно у американцев так много чемоданов!

– Потеряны в аэропорту, – быстро ответила Даглесс. Может, хозяйка решила, что Николас тоже американец и этим объясняется его странный акцент?

– Я так и подумала, – кивнула хозяйка. – Сейчас принесу чай и оставлю его на столе в коридоре, если согласны. А пока спокойной ночи.

– Да, спасибо, – пробормотала Даглесс. Дверь за хозяйкой закрылась, и Даглесс поспешила выпроводить Николаса: – Вы тоже можете идти. Я не задержусь.

Николас с улыбкой, словно наслаждаясь нервозностью девушки, вышел, и Даглесс немедленно скользнула в горячую воду, легла и закрыла глаза. Локти и колени сразу защищало, зато она быстро согрелась.

Интересно, как же он нашел ее?

Оставив Николаса в пансионе, она обошла всю деревню, безуспешно пытаясь найти ночлег за тридцать фунтов. Все дешевые гостиницы были битком набиты. Она потратила шесть фунтов на обед в трактире и пошла сама не зная куда, думая, что, возможно, сумеет добраться до другой деревни и найти убежище, пока не стемнело. Но тут начался дождь, вокруг царил непроглядный мрак, и Даглесс только и сумела, что отыскать убогий сарай, стоявший посреди поля. Сначала она свернулась калачиком на грязной соломе и быстро заснула, но проснулась от собственного плача. Впрочем, в последние двадцать четыре часа плач казался ее нормальным состоянием.

И тут появился он. По правде говоря, Даглесс не удивилась. Ей казалось совершенно естественным, что он знал, где ее найти, и ради нее вышел под дождь. И даже то, что он нес ее на руках, ничуть не удивило девушку.

Когда вода остыла, Даглесс вышла из ванной, вытерлась, накинула халатик и подошла к зеркалу. Ни следа косметики, а волосы... лучше об этом не думать. Трудно сделать что-то с собственной внешностью, не имея даже расчески.

Она смущенно постучала в полуоткрытую дверь спальни. Николас в одних мокрых брюках появился на пороге.

– Ванна в вашем распоряжении, – объявила она, пытаясь улыбнуться и вести себя так, словно ситуация была самой обычной. Но теперь его лицо было жестким.

– Ложись в постель и не смей вставать, – приказал он. – Не желаю снова бегать за тобой в темноте.

Она кивнула, и Николас вышел, закрыв за собой дверь. На столе стоял поднос с остатками еды и чайником.

– Он ничего не оставил мне, – пробормотала она, в то же время думая, что она ничем не заслужила его доброты. Сколько он натерпелся из-за нее!

Но в чайнике набралось чая на целую чашку, и на тарелке лежал сэндвич с цыпленком. Даглесс благодарно усмехнулась и, быстро проглотив сэндвич, запила чаем и легла на вторую кровать. Они поговорят, когда он вернется. Она спросит, откуда он узнал, где ее искать, и как нашел в темноте, под проливным дождем.

Сейчас он придет, и они все выяснят...

Даглесс закрыла глаза всего на минутку, а когда открыла, оказалось, что уже утро. В лицо били яркие солнечные лучи. Девушка сонно пошевелилась, приподнялась...

У окна, спиной к ней, стоял мужчина. Из всей одежды на нем было только маленькое белое полотенце, завязанное на бедрах. Даглесс, словно во сне, отметила, что мускулистый торс переходил в узкую талию и такие же мускулистые бедра. И не сразу сообразила, кто это; только через несколько секунд вспомнила все: от первой встречи в церкви, когда он приставил к ее горлу шпагу, до прошлой ночи, когда он нашел ее в сарае и понес сквозь дождь.

Услышав легкий шум, Николас обернулся.

– Ты проснулась, – бесстрастно заметил он. – Вставай скорее, нам много нужно успеть.

Поспешно вскочив, Даглесс увидела, что он тоже собирается одеваться... в ее присутствии.

Схватив помятую одежду, Даглесс ретировалась в ванную. Натянула юбку, порванную блузку, посмотрелась в зеркало... и едва не заплакала снова. Выглядела она ужасно. Глаза по-прежнему красные, вместо волос спутанная, мелкозавитая грива, и ничего поделать невозможно! Это можно исправить разве что в дорогом салоне красоты!

Глядя в зеркало, она подумала, что, если бы всем женщинам приходилось предстать перед миром с лицом, данным им Господом, количество самоубийств среди слабого пола подскочило бы до невероятной цифры!

Но что поделать?!

Даглесс гордо выпрямилась и, выйдя из ванной, едва не столкнулась с Николасом. Похоже, тот ожидал ее в коридоре.

– Сначала мы поедим, мадам. Потом потолкуем, – велел он, словно подначивал вступить в спор.

Даглесс молча кивнула и, обогнав его, стала спускаться в маленькую столовую.

Войдя в комнату, она улыбнулась и вспомнила отрывок статьи из путеводителя. Там говорилось, что в Англии с удовольствием можно съесть только завтрак и выпить чаю. Все остальное несъедобно.

Когда они уселись за маленький столик, хозяйка принялась приносить блюда с едой: пышный омлет, три вида хлеба, бекон, не уступающий лучшей американской ветчине, жареные томаты и картофель, золотистую копченую рыбу, сливки, масло и джем. Посреди стола стоял большой красивый фарфоровый чайник с уже заваренным чаем.

Изголодавшаяся Даглесс ела, пока не поняла, что больше не может проглотить ни кусочка. Но куда ей было до Николаса! Он уничтожил почти всю еду, которая стояла на столе. Случайно обернувшись, Даглесс поймала любопытный взгляд хозяйки, пристально наблюдавшей за постояльцем. Он ел ложкой и пальцами, пользуясь ножом, чтобы разрезать бекон, и ни разу не дотронулся до вилки.

Закончив есть, он поблагодарил хозяйку, взял Даглесс за руку и повел на улицу.

– Куда мы теперь? – спросила она, проводя языком по зубам. Почистить их было нечем, и она ощутила неприятный налет. Кроме того, голова ужасно чесалась.

– В церковь, – пояснил он. – Там мы сумеем составить план.

До церкви они добрались быстро. Николас остановился только раз, чтобы поглазеть на небольшой грузовик-пикап. Даглесс принялась было рассказывать о фургонах для перевозки скота и грузовых фурах, но тут же передумала. Не станет она участвовать в его игре!

Старая церковь была открыта и пуста, и Николас подвел ее к скамье, стоявшей под прямым углом к надгробию.

Даглесс молча наблюдала, как он подошел к скульптуре и провел ладонью по дате и имени.

Наконец он отвернулся, сцепил руки за спиной и принялся вышагивать взад-вперед.

– Насколько я понимаю, мистрис Монтгомери, – начал он, – мы нуждаемся друг в друге. Я свято верю, что Господь с какой-то целью свел нас обоих.

– А я думала, это все мои чары, – бросила она шутливо, хотя в душе была рада, что он больше не считает ее ведьмой.

– Да, ты права, сначала я так считал, но не сомкнул глаз с той минуты, когда ты позвала меня сквозь дождь. Поэтому у меня было время поразмыслить над случившимся.

– Я позвала? – удивилась она. – Да я даже не думала о вас и уж тем более не звала. И могу заверить, что в этом поле не было ни одного телефона, а голос у меня не настолько громкий, чтобы вы меня слышали.

– Тем не менее ты меня позвала. Твой плач меня разбудил.

– О, теперь я понимаю, – рассердилась девушка. – Все сводится к вашей уверенности в том, что я непонятным образом, сотворив некий фокус-покус, вызвала вас из могилы. Больше мне этого не вынести. Я ухожу!

Она решительно встала, но не успела сделать ни шага. Николас оказался перед ней и, положив одну руку на высокую спинку скамьи, словно пригвоздил ее к сиденью.

– Мне все равно, веришь ты или нет, – проговорил он, приблизив к ней лицо и угрожающе сдвинув брови. – Вчера утром я проснулся в году 1564-м от Рождества Господа нашего, а сегодня...

– Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой.

– Да. Прошло больше четырехсот лет. И ты, ведьма, ключ к моему пребыванию здесь, да и к возвращению тоже.

– Даю слово, я бы отослала вас назад, если бы могла, – процедила она сквозь зубы. – У меня и без вас полно проблем.

Он нагнулся так низко, что носы их почти соприкасались. От него словно исходила жаркая волна гнева.

– Боишься? Не смеешь сказать, что именно ты должна позаботиться обо мне? А ведь я нашел тебя в какой-то дыре и спас посреди ночи!

– Это было всего один раз, – слабо пробормотала Даглесс, откинувшись на спинку скамьи. – Ладно... каким образом вы слышали, что я... нуждаюсь в помощи?

Он убрал руки со скамьи и вернулся к надгробию.

– Между нами существует связь, – тихо заметил он. – Может, она кощунственна и не угодна Богу, эта связь, но она есть. Твой зов пробудил меня в ночи. Я не слышал слов, но все же отчетливо понимал, что ты меня зовешь. Различил же я твой голос! Поэтому и пошел искать тебя.

Даглесс немного помолчала. Очевидно, он говорит правду, потому что иначе никак невозможно объяснить, каким образом ему удалось ее найти.

– Хотите сказать, что между нами есть нечто вроде телепатии?

Он ответил недоуменным взглядом.

– Телепатия – это передача мыслей на расстояние. Есть люди, способные читать мысли других.

– Возможно, – кивнул он, оглядываясь на надгробие. – Только, по-моему, это не столько мысли, сколько... необходимость. Я услышал, что необходим тебе.

– Мне никто не нужен, – упрямо пробормотала Даглесс.

– В таком случае не понимаю, почему ты до сих пор не в доме своего отца. Я еще не встречал женщины, которая так нуждалась бы в заботе и присмотре.

Даглесс снова попыталась встать, но под взглядом Николаса послушно опустилась на место.

– Ладно, вы слышали мой «зов». И что, по-вашему, это означает?

Николас снова заложил руки за спину и забегал по церкви.

– Я пришел в это время и это странное место, где все происходит так быстро, и верю, что только ты сможешь найти ответ, почему я здесь.

– Не могу, – поспешно ответила Даглесс. – Мне нужно найти Роберта и отобрать мой паспорт, иначе я не попаду домой. Хватит с меня такого отдыха! Еще одни сутки вроде вчерашних, и можно сразу заказывать надгробие и для меня.

– Мои жизнь и смерть всего лишь предмет для твоих шуток, но я держусь иного мнения, – спокойно ответил Николай.

Даглесс в отчаянии вздела руки к небу:

– Хотите, чтобы я вас пожалела, потому что вы мертвы? Но вы не мертвы. Вы здесь и живы.

– Нет, мадам, я лежу тут, – покачал он головой, показывая на могилу.

Даглесс на секунду откинула голову и прикрыла глаза. Ей нужно убраться отсюда. Прямо сейчас. И скорее всего следует попросить кого-то о помощи. Но честно говоря, она не может сделать ничего подобного. Какова бы ни была истинная история этого человека, пусть она не верит, что он явился из другой эры, сам-то он считает именно так! Кроме того, она обязана ему спасением вчерашней ночью.

– Так что вы задумали? – тихо спросила она, глянув на него.

– Я помогу найти твоего любовника, но за это ты сможешь мне понять причину моего появления здесь.

– Но как вы сможете мне найти Роберта? – удивилась она.

– Я могу кормить, одевать тебя и давать ночлег, пока он не будет найден, – немедленно парировал он.

– Ах, это... как насчет теней для век? Ладно-ладно, шучу. Итак, предположим, мы найдем Роберта. Каким же образом я помогу вам найти... э-э... обратный путь?

– Прошлой ночью ты говорила мне о Роберте Дадли и королеве Елизавете. Похоже, ты знаешь, за кого выйдет наша юная королева.

– Она ни за кого не выйдет и войдет в историю как королева-девственница.

– Нет! Этого не может быть! Ни одна женщина не может править без мужа!

– А вот ей это прекрасно удалось! Она слывет одной из самых мудрейших монархинь в мировой истории. Именно Елизавета сделала Англию самым могущественным государством в Европе того времени...

– Это действительно так?

– Мне можете не верить. Но есть еще и история.

Николас немного подумал.

– История... да. Все, что случилось со мной и моей семьей, – всего лишь история. Возможно, где-то сохранились записи о моей судьбе.

– Понимаю, – улыбнулась Даглесс. – Думаете, что посланы в будущее узнать что-то? Как интригующе! То есть было бы интригующе, если бы вас действительно послали в будущее. Но поскольку этого не может быть, значит, быть не может.

Он ответил знакомым озадаченным взглядом, очевидно не поняв, о чем она.

– Может, ты что-то знаешь и я должен услышать это от тебя? – спросил он, подходя ближе. – Что известно людям вашего времени о королевском декрете против меня? Кто сказал ей, что я собираю армию, чтобы свергнуть ее? Это может быть где-то записано?

– О да. Мой отец ужасно рассердился, когда прочел где-то, что у Елизаветы Первой был незаконный ребенок. Он сказал, что каждый день ее жизни был задокументирован и никак невозможно, чтобы она скрылась от придворных и тайно родила. – В продолжение всей речи Николас так пристально смотрел на нее, что она улыбнулась: – У меня идея. Почему бы вам не побыть здесь, в этом времени? Зачем вообще возвращаться? Уверена, что вы сумеете найти работу. Вы смогли бы преподавать историю елизаветинского времени. Или смогли бы вести исследования и писать. Кроме того, после продажи ваших монет вам будет на что жить, особенно если правильно вложить деньги. Мой отец или дядя Джей Ти сумеют вам помочь. Оба много знают о деньгах.

– Нет! – свирепо прошипел Николас, сжав правой рукой левую. – Я должен вернуться в свое время. На карту поставлена моя честь и будущее Стаффордов. Если я не вернусь, они станут заложниками моей трусости.

– Заложниками? – переспросила Даглесс, вздрогнув.

Она достаточно разбиралась в истории Средних веков, чтобы иметь некоторое представление, о чем он говорит.

– Обычно король или королева конфискуют поместья дворянина, когда его обвиняют... – Она осеклась. – В государственной измене. В Средние века поместья отбирали у изменников. А их самих... – Она прерывисто вздохнула. – Как... как вы умерли?

– Полагаю, я был казнен.

Глава 6

И тут у Даглесс совершенно вылетело из головы, что этот человек может быть обманщиком или сумасшедшим.

– Расскажите, что случилось, – прошептала она.

Он снова принялся шагать взад-вперед. Посмотрел на могилу и вернулся к Даглесс.

– В Уэльсе у меня есть земли. Узнав, что на них совершаются постоянные набеги, я собрал войско. Но, спеша защитить свою собственность, не обратился к королеве с просьбой за разрешением. Ей... – На секунду он уставился в пространство жестким, злым взглядом. – Кто-то донес королеве... – Он помедлил и глубоко вздохнул. – Ей донесли, что я собираюсь объединиться с молодой королевой Шотландии.

– Марией, королевой Шотландской, – добавила Даглесс, и Николас кивнул.

– Меня поспешно судили и приговорили к обезглавливанию. До казни оставалось три дня, когда... ты позвала меня сюда.

– Значит, вам повезло. Обезглавливание! Омерзительно! – воскликнула Даглесс. – В наше время больше никого не лишают головы.

– У вас нет измен, за которые людей казнят? Или вы наказываете дворян иными способами? – удивился Николас и, когда девушка попыталась ответить, протестующе вытянул ладони: – Это мы обсудим позже. Моя мать – женщина влиятельная, и у нее много друзей. С того момента как меня арестовали, она неустанно трудилась, чтобы доказать мою невиновность. И безуспешно. Она считает, что близка к тому, чтобы обличить того, кто меня предал. Я должен вернуться и доказать, что не умышлял против королевы, иначе мать потеряет все. Останется нищей.

– Королева заберет поместья?

– Да. И все будут считать меня изменником.

Даглесс обдумала сказанное. Конечно, все это совершенная неправда, но вдруг что-то действительно можно найти в исторических книгах?

– Вы не подозреваете, кто мог донести королеве, что ее хотят свергнуть?

– Не знаю. Но перед тем как исчезнуть, я писал письмо матери. Все-таки мне удалось вспомнить человека, который лет десять назад затаил на меня злобу. Мне сказали, что теперь он при дворе. Может, он...

Николас осекся и в отчаянии сжал ладонями голову. Даглесс едва не потянулась к нему, чтобы погладить по голове, возможно, даже растереть сведенные мышцы спины, но вовремя опомнилась. В конце концов, проблемы этого человека ее не касаются. И нет никаких причин, по которым она должна помочь ему обнаружить, почему он, а может, один из его предков, был несправедливо обвинен в измене.

С другой стороны, от самой мысли о причиненной кому-то несправедливости у Даглесс мурашки ползли по коже. Может, это у нее в крови. Ее дед, Хэнк Монтгомери, был профсоюзным лидером до того, как вернуться в Мэн и управлять семейным бизнесом, «Уорбрук шиппинг». И по сей день дед ненавидел любые проявления несправедливости и был готов рисковать жизнью, чтобы не допустить ничего подобного.

– Как я уже говорила, мой отец преподает историю Средневековья, – мягко напомнила Даглесс, – и я помогала ему в кое-каких исследованиях. Может, я сумею и вам помочь найти то, что ищете. Кроме того, сколько найдется людей, которые даже не подумают помочь человеку со шпагой и в присборенных шароварах!

Николас медленно встал.

– Вы имеете в виду мои штаны-буфы? Смеетесь над моей одеждой. Эти... эти...

– Брюки.

– Брюки. Они так стискивают ноги, что нагнуться невозможно. А это... – Он положил руку в карман. – Они так малы, что туда ничего не поместится! И прошлой ночью я замерз на дожде, и...

– Но сегодня вы согрелись, – улыбнулась она.

– Еще и это! – Он ткнул пальцем в молнию. – Это может опасно поранить самые чувствительные места мужчины!

Даглесс начала хохотать.

– Если бы вы надели нижнее белье, вместо того чтобы оставить его на кровати, может, молния и не нанесла бы вам вреда.

– Нижнее белье? Что это такое?

– Эластик, помните?

– Ах да! – широко улыбнулся он.

Даглесс внезапно помрачнела. Что ей теперь делать? Снова плакать? Шесть подруг устроили ей ужин перед отъездом в Англию и пожелали доброго пути. Сколько хороших слов было сказано о ее романтическом путешествии! И вот всего через пять дней ей не терпится вернуться домой.

Глядя на этого улыбающегося человека, Даглесс упорно задавалась вопросом: если быть совершенно честной с собой, что бы она предпочла? Провести эти четыре с половиной недели с Робертом и Глорией или помочь этому человеку узнать, что случилось в его прежней жизни?

Улыбнувшись Николасу, она подумала, что вся эта история напоминает ей о романе с призраками, где героиня идет в библиотеку и читает о проклятии, наложенном на дом, который она сняла на лето.

– Да, – неожиданно услышала она свой голос. – Я помогу вам.

Николас сел рядом, взял ее руку и благоговейно поцеловал.

– В душе вы настоящая леди.

Улыбка Даглесс мгновенно исчезла.

– В душе? Хотите сказать, что во всем остальном меня нельзя считать леди?

Николас слегка пожал плечами:

– Кто может понять, почему Богу вздумалось соединить меня с простолюдинкой?

– Ах вы... – начала она, намереваясь сообщить, что ее дядя был королем Ланконии и она часто проводила у него лето, играя с шестью кузенами, принцами и принцессами. Но что-то ее остановило. Пусть думает что хочет. – Может, мне обращаться к вам «ваше сиятельство»? – ехидно осведомилась она.

Николас задумчиво нахмурился:

– Я размышлял над этим вопросом. Здесь, где никто не знает о моих титулах, я могу свободно передвигаться незамеченным. И одет я, как все здешние люди. Ваши странные законы мне непонятны. Да и деньги... мне следовало бы нанять слуг, но в этом времени одна рубашка стоит дороже их годового жалованья. Как я ни стараюсь, все не могу понять ваших обычаев. И часто... – Он отвел глаза. – Часто делаю глупости. Выгляжу полным идиотом.

– Как и я, несмотря на то что выросла в этом веке, – весело заверила Даглесс.

– Но ты женщина, – возразил он.

– Прежде всего следует прояснить один важный вопрос: в этом веке женщины не рабыни мужчин. Сегодняшние женщины говорят все, что хотят сказать, и делают все, что хотят сделать. Мы твердо знаем, что пришли в этот мир не затем, чтобы служить игрушкой мужчинам.

Рот Николаса изумленно открылся.

– Так вот кем считают женщин моего времени? Воображаете, будто женщины существовали только для удовольствия мужчин?

– Покорные, послушные, запертые в замке, постоянно беременные и не умеющие даже читать, поскольку им запрещали учиться.

Эмоции сменялись на лице Николаса: удивление, гнев, недоверие. Наконец он немного успокоился и улыбнулся. В глазах плясали веселые искорки.

– Вернувшись, я обязательно расскажу матери, что о ней думали в двадцатом веке. Учти, мать похоронила троих мужей. – Губы его смешливо дернулись. – Король Генрих утверждал, что мужья матери сами сводили себя в могилу, поскольку и вполнину не были такими мужчинами, как она. Покорная? Нет, леди, вот уж покорной ее не назовешь! Необразованная? Мать говорит на четырех языках и спорит с философами!

– Значит, ваша матушка – исключение. Я уверена, что большинство женщин были абсолютно угнетены и забиты. Иначе и быть не могло. Недаром они считались собственностью мужчин!

Он ответил пронзительным взглядом:

– А в ваши дни мужчины так уж благородны? Не покидают женщин? Не оставляют их на милость природы, без денег, защиты и средств найти ночлег хотя бы на одну ночь?

Даглесс, краснея, отвернулась. Что же, может, она не в таком положении, чтобы спорить на подобные темы!

– Ладно, вы правы, – кивнула она. – Но перейдем к делу. Сначала мы пойдем в аптеку и купим туалетные принадлежности и немного косметики. Мне нужны тени для век, тональный крем, румяна, и я готова убить за тюбик помады. Кроме того, мы не сможем обойтись без зубных щеток, пасты и нити для чистки зубов. Кстати! Покажите мне зубы.

– Мадам!

– Покажите мне зубы, – твердо повторила она. Если он действительно заработавшийся аспирант, в его зубах будут пломбы, но если он явился из шестнадцатого века, значит, понятия не имеет о дантистах.

Немного помедлив, Николас послушно открыл рот, и Даглесс стала бесцеремонно разглядывать его зубы. Трех зубов сбоку не хватало, а в четвертом, похоже, была дырка. И никаких следов работы стоматолога.

– Нужно отвести вас к дантисту и позаботиться об этой дырке.

Николас немедленно отстранился.

– Зуб не настолько болит, чтобы его рвать! – сухо заметил он.

– Именно поэтому у вас нет трех зубов? Их вырвали?

Он пожал плечами, считая ответ достаточно очевидным.

Поэтому Даглесс открыла рот, показала пломбы и попыталась объяснить, что такое стоматолог.

– А, вот где вы! – воскликнул викарий, подходя ближе. – Значит, вы успели подружиться!

Его глаза весело блестели.

– Мы не... – начала Даглесс, намереваясь сказать, что их дружба вовсе не того рода, на который намекал викарий, но осеклась. Правда потребует слишком пространных объяснений. – Нам уже пора. – Она встала. – Много дел. Николас, вы готовы?

Николас учтиво предложил ей руку, и они вместе покинули церковь. Выйдя во двор, Даглесс осмотрелась. Подумать только, прошел всего лишь день с тех пор, как Роберт покинул ее здесь!

– Что это там блестит? – спросил Николас, глядя в сторону надгробия. Именно об него вчера споткнулась Глория, а потом лгала, что Даглесс расцарапала ей руку. Даглесс подошла ближе и нагнулась. В траве у камня, полузасыпанный грязью, лежал пятитысячный браслет Глории. Даглесс подняла украшение и поднесла к свету.

– Качество алмазов хорошее, но и только, – заметил Николас, заглянув ей через плечо. – Изумруды – жалкая дешевка.

Даглесс, улыбаясь, стиснула браслет.

– Теперь я его найду. Теперь-то он уж точно явится сюда! – воскликнула она и, поспешно вернувшись в церковь, сказала викарию, что если Роберт Уитли позвонит и станет спрашивать о браслете, пусть передаст, что браслет у нее.

Она дала викарию название и адрес пансиона, где они остановились, и, вне себя от радости, вышла из церкви. Роберт будет так благодарен за находку браслета, что...

Она представила бесконечные извинения и клятвы в вечной любви.

«Не знал, что можно так скучать по женщине, как я скучал по тебе, – скажет он, едва не рыдая. – Можешь ли ты меня простить? Я хотел проучить тебя, а получилось наоборот. О, Даглесс, способна ли ты...»

– Что? – вдруг спросила она, непонимающе глядя на Николаса.

Тот недоуменно хмурился.

– Ты сказала, что мы должны идти к алхимику. Готовишь новые зелья, чтобы навести чары?

Она не потрудилась защитить себя, поскольку была слишком счастлива, чтобы волноваться по поводу очередного поклепа, возведенного на нее Николасом.

– Не алхимика, а аптекаря. Идем за покупками! – весело объявила она.

По пути она мысленно составляла список всего, что ей понадобится, дабы к приезду Роберта выглядеть на все сто. Нужны косметика, шампунь и новая блузка, с целыми рукавами.

Прежде всего они зашли к торговцу монетами и продали еще одну за полторы тысячи фунтов. Потом Даглесс позвонила в пансион и оставила за собой номер еще на три ночи, потому что, по словам Оливера Сэмюелсона, именно столько времени понадобится, чтобы найти покупателя для самых редких монет. Заодно и Роберт успеет ее найти!

Даглесс самодовольно усмехнулась.

Далее их путь лежал в аптеку. Когда двери великолепной английской аптеки-магазина «Бутс»³ распахнулись перед ними, даже Даглесс благоговейно огляделась, прежде чем идти дальше.

Англичане не забивали полки продающимися без рецепта лекарствами в ярких упаковках – даже сироп от кашля лежал за прилавком, – зато здесь было полно соблазнительно пахнущих флакончиков. Через несколько минут Даглесс, поставив корзину для покупок у своих ног, выбирала между манговым и жасминовым шампунем. «И какую маску для лица лучше взять: огуречную или алоэ?» – гадала она, бросая в корзину кондиционер с запахом лаванды.

– Что это? – прошептал Николас, оглядывая ряды красиво упакованных бутылочек и пакетиков.

– Шампуни, дезодоранты, зубная паста и все такое, – рассеянно пробормотала Даглесс. Она держала вербеновый лосьон для тела в одной руке и лимонный – в другой. Который?

– Я не знаю таких слов.

Но Даглесс было не до него: нужно было принять столько важных решений!

Правда, она тут же опомнилась и взглянула на все эти соблазны глазами человека елизаветинской эпохи: если Николас из прошлого, чего, конечно, быть не может...

Отец говорил, что до недавнего времени люди делали всю косметику дома и даже мыло сами варили!

³ Сеть аптек, в которых, помимо лекарств, продаются некоторые предметы домашнего и хозяйственного обихода: косметика, книги, компакт-диски, очки и тд.

– Шампунем моют волосы, – объяснила она, открывая пузырек шампуня с запахом папайи. – Понюхайте.

Николас, потянув носом, восторженно улыбнулся и кивнул на остальные пузырьки. Даглесс принялась открывать один за другим. У Николаса было такое лицо, словно перед ним открылось восьмое чудо света.

– Поразительно! Настоящий рай! Как я хотел бы послать нечто в этом роде моей королеве!

Даглесс завинтила крышечку гиацинтового кондиционера.

– Той самой, что отрубила вам голову?

– Ей солгали, – сухо напомнил Николай. Даглесс только головой покачала. Американцам трудно понять такую преданность монархии. – Я слышал, она особенно пристрастна ко всему, что хорошо пахнет, – сообщил Николай, поднимая флакон лосьона после бритья. – Может, здесь продаются промытые перчатки?

– Промытые? То есть чистые?

– Надушенные.

– Душистая кожа, но никаких перчаток, – разочаровала его Даглесс.

– Ну и ладно, – медленно выговорил он, глянув на нее так, что она вспыхнула. – Придется обойтись душистой кожей.

Даглесс быстро просмотрела полки с принадлежностями для бритья.

– Не хотели бы вы сбрить бороду?

Николай провел рукой по бороде и задумался.

– В этом времени я не встречал бородатых мужчин.

– Нет, иногда встречаются, но в целом бороды совершенно вышли из моды.

– В таком случае я найду цирюльника и сбрею ее, – решил он наконец. – А цирюльники у вас есть?

– Все еще имеются.

– И этот цирюльник положит мне кусочек серебра в больной зуб?

Даглесс рассмеялась:

– Не совсем. Цирюльники и дантисты – это разные профессии. Почему бы вам не выбрать лосьон для бритья, пока я найду пену и бритвы?

Подняв корзинку, Даглесс увидела, что успела наполнить ее почти до краев шампунями, расческами, кондиционерами, щетками и зубной пастой, нитью для чистки зубов и маленьким дорожным набором электробигуди. Она принялась выбирать косметику, но, услышав шум, подняла голову. Стоявший по другую сторону полок Николай пытался привлечь ее внимание.

Зайдя за угол, она увидела, что он открыл тюбик с пастой, выдавил половину и забрызгал все полки.

– Я только хотел понюхать, – пробормотал он, и Даглесс остро ощутила его смущение.

Поспешно открыв пачку с салфетками, она принялась вытирать пасту. Видя такое расточительство, Николай мигом осмелел.

– Это же бумага! – ахнул он. – Да прекрати же! Нельзя тратить бумагу зря! Она слишком дорога, и, кроме того, эту бумагу ни разу не использовали!

Даглесс никак не могла взять в толк, о чем это он.

– Салфетку можно использовать только раз. Потом ее выбрасывают.

– Неужели ваш век так богат? – спросил он и провел рукой по лицу, словно пытаясь прояснить разум. – Ничего не понимаю. Бумага настолько ценна, что идет у вас взамен золота, и одновременно настолько дешева, что можно вытереть ею полку и без сожаления выбросить!

Даглесс покачала головой и тут же вспомнила, что бумага в шестнадцатом веке производилась вручную.

– Полагаю, товарами мы богаты. Более чем, – бросила она и, положив в корзинку открытую пачку салфеток, продолжала отбирать самое необходимое: крем для бритья, бритвы и дезодорант, губки, поскольку в английских отелях их не выдают, и полный набор косметики для себя.

Подойдя к кассе, она снова взяла у Николаса современные деньги, и тот, как и в прошлый раз, едва не упал в обморок, услышав сумму.

– Я могу купить лошадь на то, что стоит одна эта бутылочка, – пробормотал он, когда кассир подвела итог. Но Даглесс как ни в чем не бывало заплатила и потащила к двери два пакета с покупками. Николас не предложил помочь, поэтому она предположила, что он считал достойным мужчины носить исключительно оружие.

– Давайте оставим все это в отеле, а потом...

Она осеклась, поскольку Николас застыл у магазинной витрины. Вчера он разглядывал только машины, пешеходов и поражался ровным тротуарам. Сегодня его интересовали витрины, зеркальные витрины и неоновые вывески. Сейчас он застрял перед витриной книжного магазина, где был выставлен большой альбом с репродукциями средневекового оружия. Рядом стояли биографии Генриха Восьмого и Елизаветы Первой. Глаза Николаса сделались круглыми, как блюдца. Обернувшись, он показал на книги, хотел что-то сказать, но слова не шли с языка.

– Пойдем, – улыбнулась Даглесс и потащила его внутрь. Какие бы беды ее ни настигли, она скоро забыла обо всем при виде восторженно-радостного лица Николаса, почтительно дотрагивавшегося до переплетов.

Бросив пакеты у прилавка, она взяла Николаса за руку и обошла с ним магазин. Некоторые большие, дорогие альбомы лежали у самой двери, на столе, и он медленно провел кончиками пальцев по блестящим фотографиям.

– Они великолепны, – выдохнул он. – Я и представить себе не мог, что такое существует!

– Вот и ваша королева Елизавета! – объявила Даглесс, поднимая большой цветной том. Николас нерешительно, словно боясь коснуться, взял у нее книгу.

Наблюдая за ним, можно было почти поверить, что он никогда прежде не видел современных цветных фотографий. Разумеется, во времена Елизаветы книги были редки и дороги. Позволить себе такую роскошь могли только богатые люди. Иллюстрации вырезались в дереве или раскрашивались от руки.

Николас благоговейно открыл книгу и показал на большой портрет королевы:

– Кто это рисовал? Неужели у вас так много художников?

– Все эти книги напечатала машина.

– А что это на ней надето? Этот фасон рукава, он что, новая мода? Матушке следует узнать об этом.

Даглесс взглянула на дату. 1582 год.

– Не уверена, что вам следует заглядывать в будущее, – отрезала она, отбирая книгу.

Да что это она мелет?! 1582 год – будущее?!

– Лучше взгляните на это, – велела она, вручив ему альбом «Птицы мира».

Ее реакция, разумеется, более чем абсурдна, поскольку к нему в любой момент может вернуться память. Однако на всякий случай не стоит и пробовать изменить историю только потому, что человек из Средневековья увидел будущее. Если не считать того, что неизвестно, какая именно история изменилась, если она действительно спасла ему жизнь. Но что...

Однако на этом месте Даглесс пришлось вернуться к реальности: Николас едва не уронил книгу, потому что музыкальный центр, до сих пор молчавший, неожиданно ожил. При звуках музыки Николас принялся растерянно оглядываться.

– Я не вижу музыкантов. И что это за музыка? Регтайм?

– Что вы слышали о регтайме? – рассмеялась Даглесс, но тут же поправилась: – Я хотела сказать, что ваша память, должно быть, возвращается, если вы уже смогли вспомнить регтайм.

– Миссис Бисли мне рассказала, – пояснил он, имея в виду хозяйку пансиона. – Я играл для нее все, что она попросила, но эта музыка на регтайм не похожа.

– На чем же вы играли?

– Что-то вроде большого клавесина, но звук у него совсем другой.

– Возможно, пианино.

– Но ты не сказала мне, откуда доносится музыка.

– Это классика. Думаю, что Бетховен. А доносится она из кассеты в машине.

– Машины, – прошептал он. – Снова машины.

И тут Даглесс осенило. Что, если музыка поможет вернуть ему память?

Вдоль одной из стен стояла полка с магнитофонными кассетами. Она выбрала Бетховена, отрывки из «Травиаты» и ирландскую народную музыку. Хотела было взять альбом «Роллинг Стоунз», но решила, что требуется что-то более современное. При этой мысли она невольно засмеялась.

– Для него даже Моцарт внове, – пробормотала она, все же беря с полки «Стоунз». – Может быть.

На нижней полке стояли недорогие кассетные магнитофоны, поэтому она купила тот, к которому прилагались наушники, и вернулась к Николасу, добравшемуся к этому времени до отдела канцелярских товаров. Заметив, как осторожно он гладит пачки с бумагой, Даглесс взяла блокнот на спиральке и принялась чертить на бумаге маркерами, фломастерами, механическими карандашами и шариковыми ручками. Николас и сам что-то изобразил, но Даглесс заметила, что он не написал ни единого слова. Странно. Несмотря на то что, по его словам, мать была очень образованна, сам он вряд ли умел читать и писать. Впрочем, не стоит задавать вопросы на подобные темы.

Теперь к двум пакетам присоединился третий, набитый блокнотами, фломастерами всех возможных цветов, кассетами, плеером и шестью книгами о путешествиях: три – по Англии, одна – по Америке и две – по всему миру. Даглесс, сама не зная почему, купила набор акварелей с видами Виндзора и Ньютона и пачку бумаги для акварели для Николаса. Почему-то ей казалось, что он любит рисовать. Ко всему этому она прибавила роман Агаты Кристи.

– Не могли бы мы отнести все это в отель? – робко спросила она. Ей казалось, что руки под тяжестью пакетов вытянулись до самой земли.

Но Николас снова остановился, на этот раз перед магазином женской одежды.

– Ты купишь себе новые вещи, – безапелляционно приказал он.

Даглесс не понравился его тон.

– У меня есть собственная одежда, и когда я верну свой багаж...

– Я не стану путешествовать с безумной, – сухо оборвал он.

Даглесс не была уверена в значении последнего слова, но можно было догадаться. Она взглянула на свое отражение в стекле. Если вчера она выглядела паршиво, то сегодня просто превзошла себя. В конце концов, есть время для гордости и есть – для здравого смысла.

Даглесс без дальнейших слов вручила ему пакет с книгами.

– Подождите меня здесь, – повелительно бросила она тем же тоном, каким он говорил с ней. Показала на деревянную скамью под деревом и, захватив косметику, надменно выпрямилась и вошла в магазин.

На преображение ушло больше часа, но Даглесс вернулась к нему другим человеком. Рыжеватые волосы, еще совсем недавно спутанные и стоявшие беспорядочной гривой, теперь были откинуты назад, аккуратно причесаны и мягкими волнами спадали на повязан-

ный на шее шелковый шарф. Искусно наложенная косметика оттеняла красоту лица, не того типа, который выглядел хрупким и утонченным, зато Даглесс сияла цветущим здоровьем, словно выросла на конезаводе в Кентукки или на яхте в Мэне, что, собственно говоря, было правдой.

Выбранная ею одежда отличалась простотой и прекрасным качеством: голубовато-зеленый австрийский жакет, пестрая юбка в голубовато-зеленых, темно-фиолетовых и синих тонах, шелковая блузка цвета сливы и ботинки из мягкой синей кожи. Сама не зная почему, она еще купила синие лайковые перчатки и такого же цвета кожаную сумочку, а также белье и ночную сорочку.

Захватив покупки, она перебежала дорогу к тому месту, где сидел Николас, и очень обрадовалась при виде его ошеломленного лица.

– Ну? – не выдержала она.

– Красота не знает времени, – мягко сказал он, поднимаясь и целуя ее руку.

Ничего не скажешь, в воспитании мужчин елизаветинской эры есть свои преимущества!

– Не пора ли пить чай? – спросил он.

Даглесс застонала. Мужчины все одинаковы, независимо от времени! Всегда одно и то же: «выглядишь-потрясающе-что-у-нас-на-ужин?»

– Теперь нам предстоит узнать одну из худших сторон Англии, а именно ленч. Завтрак – это прекрасно. Чай – и того лучше. Ужин неплох, если любишь масло и сливки, но ленч поистине неопишем.

Николас внимательно прислушивался к каждому ее слову, будто она изъяснялась на чужом языке.

– Что такое «ленч»? – выпалил он.

– Сами увидите, – обронила Даглесс и повела его в ближайший паб. Пабы были одними из ее любимейших мест в Англии, поскольку туда ходили семьями. К тому же там можно было выпить прекрасного пива или эля.

Когда они устроились в кабинке, Даглесс заказала два сэндвича с сырным салатом, пинту пива для него, лимонад для себя и стала объяснять Николасу разницу между американским баром и английским пабом.

– Значит, и другие женщины могут ходить по улицам без сопровождения? – изумился он.

– Не только я? – усмехнулась Даглесс. – В наше время существует множество независимых одиноких женщин. У нас собственная работа, собственные кредитные карточки. Мы не нуждаемся в мужской заботе.

– Но как насчет кузенов и дядей? Разве у этих женщин нет сыновей, которые могли бы присмотреть за ними?

– Теперь все не так... – начала Даглесс, но замолчала при виде официантки, поставившей перед ними сэндвичи, совершенно не похожие на те, что подают в Америке. Английский сырный сэндвич представлял собой два кусочка белого хлеба, намазанных маслом, между которыми лежали ломтик сыра и крохотный листик салата. Сэндвич был маленьким, сухим и безвкусным.

Николас дождался, пока она не начнет есть, прежде чем последовать ее примеру.

– Вам нравится? – спросила она.

– Никакого вкуса, – признался он и, отпив пива, пожал плечами: – И в пиве тоже.

Даглесс оглядела паб и спросила, походит ли он на заведения шестнадцатого века. Не то чтобы она верила, будто... да какая разница?!

– Нет. Здесь темно и тихо. И никакой опасности.

– Но это хорошо. Покой и безопасность всегда лучше.

Николас пожал плечами и в два счета проглотил остатки сэндвича.

– Предпочитаю вкус в своей еде и вкус жизни в пабах.

Даглесс, улыбаясь, встала.

– Идем? У нас еще полно дел.

– Идем? Но где же обед?

– Вы только что его съели.

Николас поднял брови:

– Где хозяин?

– Возможно, тот, кто стоит за стойкой бара. И я видела женщину за прилавком. Наверное, она готовит. Погодите минуту, Николас, не устраивайте скандал. Англичане терпеть не могут, когда их посетители создают проблемы. Погодите минуту, я...

Но Николас был уже на полпути к прилавку.

– Еда есть еда, независимо от того, какой год на дворе. Нет, мадам. Оставайтесь, где стоите, а я добуду приличный обед.

Не успела Даглесс оглянуться, как Николас уже что-то серьезно говорил бармену. Тот позвал женщину, и она тоже стала слушать речи Николаса. Увидев, как оба поспешили выполнить приказание, Даглесс поняла, что если Николас вполне освоится с двадцатым веком, у окружающих могут возникнуть проблемы.

Через минуту после того, как он вернулся в кабинку, на столе стало появляться блюдо за блюдом: цыпленок, говядина, большой пирог со свиной начинкой, миски с овощами, салатом и омерзительное на вид темное пиво.

– А теперь, мистрис Монтгомери, – объявил он, когда стол едва не затрещал под тяжестью еды, – как вы предлагаете мне найти дорогу домой?

Его глаза весело лучились, и Даглесс сообразила, что на этот раз именно она смотрит на него с открытым ртом. По-видимому, он знает то, что ей недоступно.

– Очко в вашу пользу, – засмеялась она, тыча вилкой в цыплячью ножку. – Почему бы вам не спросить кухарку, знает ли она какие-то колдовские заговоры?

– Может, если смешать содержимое тех бутылочек, что ты купила... – пробормотал Николас, набив рот говядиной, но тут же ойкнул, потому что едва не уколол язык вилкой, которой пытался есть.

– Забудьте о колдовстве, – отмахнулась она, вынимая из пакета блокнот на спиральке и ручку. – Мне нужно знать о вас все, прежде чем начать расследование.

Что, если, зная даты и места, она поможет ему вернуться?

Но даже настырные расспросы не помешали ему поглощать еду.

Оказалось, что он родился шестого июня 1537 года.

– Ваше полное имя или в вашем случае титул? – допрашивала Даглесс. Левой рукой она черпала пюре из пастернака, правой – писала.

– Николас Стаффорд, граф Торнуик, Бакшир и Саутитон, лорд Фарлейн.

Даглесс хлопнула ресницами:

– Что-то еще?

– Несколько баронских титулов. Но не слишком знатных.

– Вот тебе и бароны, – покачала она головой, прежде чем заставить его повторить сказанное. Далее она стала составлять список его владений. Основные его поместья простирались от восточного Йоркшира до южного Уэльса. Кроме того, у него имелись земли во Франции и Ирландии.

Когда у Даглесс закружилась голова от всех этих имен и названий, она захлопнула блокнот.

– Думаю, со всем этим мы сумеем что-то разыскать о вас... о нем, – поправилась она.

Посла «ленча» они зашли в парикмахерскую, где Николаса побрили. Когда он встал, Даглесс не сразу обрела дар речи. Под бородой и усами скрывались полные, чувственные, четко очерченные губы.

– Надеюсь, мадам, я не так плох? – спросил он, тихо хмыкнув при виде ее лица.

– Сойдете, – кивнула она, пытаясь притвориться, что видела и получше. Но когда пошла вперед, в ушах зазвенел его смех. Тщеславен! Уж очень он тщеславен!

Когда они вернулись в пансион, хозяйка сообщила, что освободилась комната с ванной.

Благоразумная, здравомыслящая часть сознания Даглесс подсказывала, что ей следовало бы попросить отдельную комнату, но, когда хозяйка вопросительно глянула на девушку, та промолчала. Кроме того, если приедет Роберт, ему полезно увидеть ее с этим божественным красавцем.

После того как они перенесли нехитрые пожитки в новую комнату, пришлось снова отправиться в церковь и поговорить с викарием. Но от Роберта не было ни слуху ни духу. Тогда они отправились в бакалею, купили сыра и фруктов, раздобыли у мясника пирогов с мясом, у пекаря – хлеба, булочек и пирожных, а в винном магазине нашли две бутылки хорошего вина.

Когда настало время пить чай, Даглесс едва держалась на ногах.

– Мой казначей выглядит так, словно вот-вот утонет, – усмехнулся Николас.

Даглесс не спросила, что это значит. Они добрались до своего маленького отеля и отнесли в сад пакет с книгами.

Миссис Бисли подала им чай с булочками и принесла одеяло, которое они расстелили на траве, после чего, расположившись поудобнее, пили чай, ели булочки и просматривали книги. На дворе стояла прекрасная английская погода: теплая, но не жаркая. В зеленом саду царили мир и покой, в воздухе пахло розами. Даглесс сидела на одеяле; Николас растянулся на животе и ел булочки, осторожно переворачивая страницы свободной рукой.

Тонкая сорочка натянулась на спине, брюки льнули к бедрам. Черные волны волос падали на воротничок. Даглесс поймала себя на том, что смотрит не столько в книгу, сколько на него.

– Вот он! – воскликнул Николас, переворачиваясь и садясь так резко, что Даглесс расплескала чай. – Это мой самый новый дом!

Он сунул ей книгу. Даглесс отставила чашку.

– Торнуик-Касл, – прочла она подпись под фото. – Заложен в 1563 году Николасом Стаффордом, графом Торнуиком... – Она глянула на Николаса. Тот лежал на спине, заложив руки под голову, и улыбался так ангельски, словно наконец представил ей доказательства своего существования. – Был конфискован королевой Елизаветой Первой в 1564 году, когда... – Даглесс осеклась.

– Продолжай, – тихо велел Николас, уже не улыбаясь.

– ...когда граф был обвинен в государственной измене и приговорен к отсечению головы. Существовали некоторые сомнения в вине Стаффорда, но все расследования были прекращены, когда... – Даглесс понизила голос, – когда за три дня до казни граф был найден мертвым в своей камере. Он как раз писал письмо матери и, очевидно, внезапно скончался от сердечного приступа. Письмо матери... – Она подняла глаза и прошептала: – Письмо матери осталось недописанным...

Николас молча смотрел в небо, по которому плыли облака.

– Там не говорится, что стало с моей матерью? – спросил он наконец.

– Нет. Дальше описывается замок. Оказывается, его так и не достроили. То, что было закончено, пришло в полный упадок после гражданской войны – вашей гражданской войны, не нашей, – потом было восстановлено в 1824 году семейством Джеймс, и... – Она немного помедлила. – И теперь это эксклюзивный отель с двухзвездочным рестораном.

– Мой дом превратился в кабак? – возмутился Николас. – Мой дом, который должен был стать центром науки и знаний! Он был...

– Николас, это произошло сотни лет назад. То есть может быть. Неужели не видите? Может, нам удастся снять номера в этом отеле. Все равно что остановиться в вашем доме.

– И я должен платить за ночлег в собственном доме? – бросил он, презрительно скривив губы.

Даглесс в отчаянии вздела руки к небу:

– Ладно, не поедем. Останемся здесь, будем ходить по магазинам следующие двадцать лет, а вы станете проводить все свое время, заставляя владельцев паба каждый день устраивать вам средневековые банкеты.

– У тебя острый язык.

– Просто я все вижу в правильном свете, если вы имели в виду именно это.

– Если не считать мужчин, которые тебя бросают.

Она попыталась встать, но он поймал ее за руку.

– Я заплачу, – пообещал он, глядя ее пальцы. – Но ты останешься со мной?

Даглесс рассерженно выдернула руку.

– Сделка есть сделка. Я помогу вам узнать все необходимое, с тем чтобы вы смогли обелить имя своего предка.

– Так теперь я свой собственный предок? – улыбнулся Николас.

Даглесс бросила на него красноречивый взгляд, давая понять, что могла бы обойтись и без его сарказма, и отправилась в дом, позвонить в Торнуик-Касл. Сначала портье заносчиво заявил, что номера в отеле заказываются за год вперед, но тут в трубке послышался шум, и секунду спустя портье вернулся и пояснил, что, как ни странно, их лучший номер должен через несколько дней освободиться.

– Согласна! – воскликнула Даглесс, не спрашивая о цене.

Только повесив трубку, она сообразила, что совсем не удивлена таким совпадением. Похоже, кто-то там, наверху, заботился об исполнении всех ее желаний. Стоило ей захотеть чего-то, и она немедленно это получала. Она попросила о рыцаре в сверкающих доспехах, и тот появился. Вероятно, ее просьба была скорее метафорой, чем истинным желанием общаться с человеком в рыцарских доспехах, уверенным, что он явился из шестнадцатого века. Но все же она получила своего защитника. Она попросила денег, и тут же возник кошелек с монетами, стоявшими тысячи фунтов. Ей понадобилось место, чтобы провести ночь, и Николас принес ее в пансион. Теперь ей потребовался номер в эксклюзивном отеле, и, разумеется, лучший номер тут же предоставляется ей.

Даглесс вынула из кармана браслет Глории и внимательно осмотрела. Именно такие украшения богатые жирные старики дарят молодым любовницам. Что бы пожелать в отношении Роберта? Чтобы он понял, насколько лжива и порочна его дочь? Не хотелось бы, чтобы отец презирал собственное дитя. Так как же быть Даглесс? Она хочет Роберта, но вместе с Робертом в ее жизнь входят его дочь и его любовь к ней. Как она собирается справиться с этой проблемой? Неужели ей предстоит вечная роль злой мачехи, независимо от того, как она будет относиться к Глории?

Прежде чем вернуться в сад, она снова позвонила в дом викария. Оказалось, что никто не спрашивал о браслете. Она попросила викария порекомендовать ей дантиста. Тот был очень любезен, и ей удалось записаться на прием на следующее утро снова благодаря тому, что кто-то не смог прийти. Даглесс едва не рассмеялась.

По дороге в сад она увидела на столике несколько американских журналов: «Вог», «Харперс базар» и «Джентльменс куотерли», – сгребла всю стопку и принесла Николасу.

Сначала он удивленно охнул, когда Даглесс объяснила, что все эти прекрасные «книги» на самом деле просто одноразовая развлекательная пресса. Когда удивление немного улег-

лось, Николас стал просматривать журналы, изучая рекламу и одежду моделей с тщательностью генерала, планирующего очередное сражение. Сначала он презрительно фыркнул при виде очередного платья, но к концу первого журнала стал кивать головой, будто что-то поняв. Даглесс взяла роман Агаты Кристи и принялась читать.

– Ты считаешь мне вслух? – спросил он.

Судя по тому, что Николас просто разглядывал картинки в журналах и книгах, читать он вряд ли умел.

Поэтому она стала читать вслух, пока он продолжал рассматривать снимки в «Джентльменс куотерли».

В семь они открыли бутылку вина, съели сыр, хлеб и фрукты. Николас настоял на продолжении чтения.

Когда стемнело, они поднялись к себе, и Даглесс только сейчас осознала двусмысленность ситуации. Им предстоит делить спальню!

Но по мере того как шли часы, казалось все более естественным общаться с этим благородным человеком. Наблюдать, как он смотрит на мир полными изумления глазами, становилось радостью для нее, а воспоминания о Роберте отодвигались все дальше, превращаясь в нечто размытое и неопределенное.

Когда они остались одни, Николас не дал ей повода смущаться. Исследовав ванную, он захотел узнать, куда девалась сама ванна. К восторгу истинной американки, оказалось, что в ванной стоит душевая кабинка. Но прежде чем Даглесс успела объяснить, как действует душ, Николас повернул кран и облился холодной водой.

Даглесс показала, как пользоваться шампунем и жидким мылом, а заодно как чистить зубы.

– Завтра я научу вас бриться, – пообещала она, улыбаясь Николасу, во рту которого пенилась зубная паста.

Приняв душ и вымыв голову, она надела простую белую ночную сорочку и легла на одну из кроватей.

Перед этим они с Николасом яростно «поспорили» о необходимости мыться каждый день. Сама эта идея возмущала его. Он боялся простуды и рассуждал на тему того, как выделяемый кожей жир защищает человека.

В ответ Даглесс показала ему баночку с кремом. Николас заявил, что смывать бесплатные жиры только затем, чтобы мазаться покупными, просто абсурдно. Даглесс предупредила, что если не мыться каждый день, люди на улицах и в ресторанах начнут говорить о том, как дурно он пахнет. Осознав столь ужасную перспективу, Николас удалился в ванную, запер за собой дверь, и вскоре она услышала шум воды.

Должно быть, ему понравилось, потому что он оставался в ванной так долго, что из-под двери стал вырываться пар. Вышел он в одном полотенце, повязанном вокруг бедер, и вытирая волосы другим полотенцем.

Последовало неловкое мгновение, когда он пристально посмотрел на сидевшую в постели Даглесс со свежим после душа личиком и мокрыми, зализанными назад волосами. Сердце девушки подпрыгнуло и куда-то покатилося.

Но тут Николас увидел настольную лампу, и следующие четверть часа Даглесс пыталась объяснить принцип действия электричества. Николас едва не свел ее с ума, включая и выключая каждую лампочку в комнате. Наконец, чтобы заманить его в постель, она пообещала почитать еще немного. И поспешно отвела глаза, когда он сбросил полотенце и, абсолютно голый, лег на соседнюю кровать.

– Пижама, – пробормотала она. – Завтра мы купим пижаму.

Она читала не более получаса и, поняв, что он заснул, выключила лампу и уютно свернулась под одеялом.

Даглесс как раз засыпала, когда Николас вдруг закричал во сне. В комнате было достаточно светло, чтобы увидеть, как он отбросил одеяло, мечется словно в лихорадке и стонет, очевидно находясь в тисках кошмара. Даглесс привстала и положила руку ему на плечо.

– Николас, – прошептала она, но он не слышал ее. Она трянула его, но он не проснулся. Пришлось отбросить одеяло, сесть на край кровати и наклониться над ним. – Николас, проснитесь. Вы видите дурной сон.

В ответ он выбросил вперед сильную руку и притянул ее к себе.

– Пустите! – крикнула Даглесс, вырываясь, но Николас и не думал ее слушать. Вместо этого он мгновенно успокоился и мирно заснул, очевидно довольный тем, что держит ее, как большую плюшевую игрушку в человеческий рост.

Даглесс, напрягая силы, оторвала его руки и вернулась в свою кровать, но не успела лечь, как он снова начал стонать и метаться. Пришлось снова подойти к нему.

– Николас! Да проснитесь же! – громко воскликнула она, без всякого, впрочем, успеха. Он сбросил одеяло и беспорядочно махал руками. Судя по выражению лица, он переживал нечто поистине жуткое.

Обреченно вздохнув, Даглесс скользнула в постель рядом с ним. Он немедленно прижал ее к себе, словно напуганный малыш свою куклу, и тут же утихомирился. Даглесс сказала себе, что она истинная мученица и делает это исключительно для него. Но где-то в глубине души знала, что одинока и испугана не меньше Николаса.

Прижавшись щекой к теплomu плечу, она заснула в его объятиях. И проснулась перед рассветом, улыбаясь еще до того, как поняла, что именно большое, мускулистое обнаженное тело рядом с ее собственным дарит ей нечто вроде ощущения счастья. Первым ее порывом было повернуться в его объятиях и целовать эту загорелую кожу.

Но сознание быстро вернулось к ней. Слишком быстро. Открыв глаза, она потихоньку сползла с кровати и легла в свою постель. Несколько минут она просто смотрела на него. Он спал так тихо, разметав черные локоны по белоснежной подушке. Неужели он и есть ее собственный рыцарь в сверкающих доспехах? Или память к нему вернется и окажется, что где-то в Англии у него дом?

Неожиданно придя в бесшабашное настроение, Даглесс встала, осторожно подошла к окну, где спрятала вчера новый магнитофон, – она дожидалась нужного момента, чтобы показать его Николасу, – поставила кассету «Роллинг Стоунз», поднесла магнитофон поближе, прибавила громкости и включила.

Из магнитофона во всю мощь вырвались первые такты песни «Я не могу получить удовлетворения». Николас в испуге вскочил. Ехидно посмеиваясь над растерянным беднягой, Даглесс приглушила музыку, пока не проснулись остальные постояльцы.

Николас, ошеломленно озираясь, сел в постели.

– Что это был за хаос?

– Музыка, – засмеялась Даглесс, но поскольку Николас никак не мог опомниться, уже серьезнее пояснила: – Это была шутка. Нам пора вставать, поэтому я подумала...

Но улыбка сползла с ее лица, когда Николас и не подумал улыбнуться в ответ. Наверное, мужчины елизаветинской эры не любили розыгрышей. Поправка: современные мужчины, считающие себя пришельцами из елизаветинской эры, не любят розыгрышей.

Минут через двадцать негодующая Даглесс выскочила из ванной.

– Ты намазал мою зубную щетку шампунем! – отфыркивалась она, вытирая свой язык полотенцем.

– Я, мадам? – делано удивился Николас.

– Ах ты... – задохнулась она и, схватив подушку, запустила в него. – Я тебе еще покажу!

– Значит, меня снова ждет музыка на рассвете? – осведомился он, увертываясь от подушки.

– Ладно, – хмыкнула Даглесс, – полагаю, я это заслужила. Идем завтракать?

За завтраком она рассказала Николасу о визите к стоматологу, и хотя тот поморщился, не обратила на это внимания. Любой поморщится при мысли о визите к зубному врачу!

За завтраком она заставила его назвать остальные поместья. Пока он будет у врача, она сможет посидеть в местной библиотеке. Может, что-то и обнаружится.

По дороге к врачу Николас молчал, а в приемной даже не подумал рассматривать заляпанные пластиком стулья. Даглесс поняла, что Николас действительно волнуется, поскольку он даже не захотел взглянуть на пластмассовое растение в горшке. Когда медсестра вызвала Николаса, Даглесс крепко сжала его руку:

– Все будет хорошо. А потом... потом я поведу тебя в кафе и куплю мороженое. Вот увидишь, тебе понравится.

Но что толку обещать! Ведь он даже не знает, что такое мороженое... вернее, не помнит, поправила она себя.

Поскольку ему предстояли осмотр, пломбирование и снятие камня, на что уйдет довольно много времени, она решила идти в библиотеку, но перед этим попросила медсестру позвонить ей, когда Николас соберется уходить.

Направляясь к библиотеке, она чувствовала себя матерью, предательски покинувшей свое дитя.

– В конце концов, это всего лишь дантист, – твердила она себе.

Ашбертонская библиотека оказалась очень маленькой и в основном содержала детские книги и романы для взрослых. Даглесс уселась в отделе путешествий по Британии и принялась искать хоть какое-то упоминание об одиннадцати поместьях, которыми, по словам Николаса, он владел. Четыре уже давно стали руинами, два снесли в пятидесятых (Даглесс стало не по себе при мысли о том, что они пережили столько исторических событий и были уничтожены совсем недавно). Одним был Торнуик-Касл, одно она не смогла найти, два стали частными владениями, и последнее было открыто для публичных экскурсий. Даглесс выписала часы и дни посещений и проверила, не пора ли идти за Николасом. Он пробыл у зубного врача полтора часа.

Даглесс поискала в именном каталоге, но не смогла найти упоминания о семействе Стаффордов. Прошло еще сорок пять минут.

Когда телефон на библиотечном столике зазвонил, Даглесс подскочила. Библиотекарь сказала, что это звонят от дантиста и что Николас скоро освободится. Даглесс почти побежала обратно.

Дантист вышел поздороваться с ней и попросил зайти в кабинет.

– Знаете, мистер Стаффорд крайне меня озадачил, – начал он, вешая рентгеновские снимки Николаса на подложку с подсветкой. – Обычно я стараюсь никогда не высказывать мнения о работе своих коллег, но, как можно понять из этих снимков, мистер Стаффорд попал в руки... не могу назвать этого человека иначе, как садистом. Можно подумать, что эти три зуба были буквально выломаны из челюсти. Видите, вот здесь и здесь кость треснула и срослась неровно. Должно быть, пациенту пришлось вытерпеть адскую боль, пока челюсть заживала. И понимаю, что это невозможно, но уверен, что мистер Стаффорд до сегодняшнего дня в жизни не видел шприца. Возможно, при удалении зубов ему дали общий наркоз.

Доктор выключил свет.

– В последнем я почти не сомневаюсь. В наши дни трудно представить ту боль, которую пришлось бы вытерпеть пациенту.

– В наши дни, – тихо повторила Даглесс, – но четыреста лет назад зубы, как вы сказали, просто выдирали из челюсти.

– Скорее всего, так и было, – улыбнулся доктор. – А если учесть, что тогда не было ни болеутоляющих, ни наркоза... полагаю, многие люди выходили из испытания с треснувшими челюстями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.